

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

И уже отшумели колхозные собрания, где было решено, что часть культурфондов, а именно один процент из двух-трех процентов дохода, отчисляемых на культуру, — перейдет в ведение Межколхозного совета. А так как и музыкальные школы, и театр будут обслуживать не только колхозников, то и профсоюз, и потребительская кооперация района войдут своим паем в это общественное дело.

БЕЗ ИЖДИВЕНЧЕСТВА.

ПРОБЛЕМЫ, ПРОБЛЕМЫ...

ГДЕ У ДОЯРКИ СВОБОДНОЕ

ВРЕМЯ!

О ВКУСЕ И «КУРСЕ ДЕЛА»

.....

В РЕДАКЦИЮ
«ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Авторы книги «Лицом к лицу
с Америкой»

И мне все стало ясно: раньше мой сосед просто читал литературу, а теперь он стал ее... «проходить».

«Свидетели об-

по аналогичным делам
преступлений против

лизы, характери-

постоять за друга».

т. ... итеративный

Завершалась тетрадка в синей клеенчатой обложке

нось ее красота и сила, ее общественное значение. Закон требует регистрации брака и для прочных связей между супругами, и прежде всего ограждает интересы будущих детей. Заполненная

лизации. Эта семья в буржуазном обществе содержит в миниатюре все антагонизмы капиталистического строя. За время Советской власти, когда иные годы составляли эпоху, семья такую

ПОЛЕМИКА

Вскоре Гертруда забеременела, и настолько ради будущего ребенка, сколь

судья бесспорен, когда судит объективно. Такой должна быть и позиция писателя! Ведь писатель судит поступки людей именем жизни.

Мой сосед обязательно отозвался бы коротко, но выразительно: «Мировая!»

— Это деловое ответило Валерик. — Мы ее не проходили...

И мне все стало ясно: старые мой сосед просто читал литературу, а теперь он

Я, как говорится, с трудом перевел дух и продолжал читать: «Черты характеров, трапеца (обед), супритив (напротив), твою (твоего), нониче (ныне)» и т.д. Завтрашний день природы: «Ходит лавина — будто бегущая ка...», «Словно ястреб, взглянув с высоты небес».

Завершая тетрадь в синей клеенчатой обложке

Не первый раз поднимается тетрадь в печати этот вопрос. Можно быть, пора уже наконец осознать, что круглым, круглым, писателям, литераторам и всем вместе почитать: как добиться того, чтобы наши дети не «проходили» литературу, потроша про-

Дни литовской поэзии

Э. МЕЖЕЛАЙТИС ЧЕТЫРЕ ПОРТРЕТА

Ты в моих помыслах такая:
Под деревом зеленолистым, нагая,
одним прикрытая листком античных
статуй, как рыба белая стройна, ты,
словно дерево ветвями, держишь
в чудесных длинных узких пальцах
плод яблона, как небольшое солнце,
округлый золотой моток, как будто
предлагая свить из него нить бытия.
О счастье — создавать, творить!
Сначала крохотно оно, как маковое
хрупкое зерно, но тоже круглое, как
яблоко. А яблоко, как мир, окру-
лено. И из мельчайшего зерна нить
начинает вить себя и создавать со-
бой моток, шар в яблоко величинной,
растет и вырастает в мир, как этот,
у тебя в руке, из нитей созданный
клубок, огромный, словно шар зем-
ной.

Так — на холсте Дюрера — ты
стоишь земная, грешная, простая,
и в помыслах моих такая.

Ты в помыслах моих такая:
Небесная голубизна — светлая, ясная.
В прозрачности глубоких красок не-
изысканной чистоты, с глазами голу-
бых мечтаний останавливаясь ты, под-
няв дитя, чтобы оно могло взглянуть
на уходящий в роще путь в луга-
щимся тумане. А на лице твоём По-
кой и Благодать — две спутницы
твои и каждой женщины, которая го-
това страдать и ждать, когда дитя —
ей, первой ей, произнесет свое во-
т родившееся слово. Как не гор-
дится ей, одной из матерей, началь-
ным зернышком огромной жизни, ко-
торому она дала родиться, как на-
дающая на свете мать, что миру дарит
детство, пренебрегая мукою своей.
Так солнце дарит миру на рассвете
свой первый луч, младенца нового
земного дня. И тот, кто может взве-
сить на руке песчинку, незаметную
в песке, способен ощутить весь вес
планеты. Так и мать, свое дитя под-
няв, всю землю держит. И только
потому ее святой позволено назвать.

Так в красках Рафаэля возникает,
равно держа и землю и зерно,
ты в моих помыслах такая.

Ты в моих помыслах такая:

Из приоткрытых губ ко мне спо-
лзает твоя усмешка золотая, как будто
из раздвинувшихся туч протягивает
теплый луч пробивающееся солнце.
Отгоревшее сердце мне, грустечной
подобное Земле, и на его согретом
лонце огибают, вырастая, забытые
в трудах заботах зерна. И непоко-
ро из твоих губ скользят улыбка зо-
лотая, как ласточка из тихого гнезда,
укрытого крышей. Она летит,
колыша крылья, на расправу с мо-
шаркой, распушивая мелких мыслей
рой.

Так — словно Монна Лиза — ты
над слабостями нашими смеешься,
и в помыслах моих такая — ты.
Ты в моих помыслах такая:
За сиянием тончайшей кисеи тумана,
утром рано, перед собой я новую
увидел Афродиту. Недвижна и белая,
она недавно мраморной была, но вот
богини сияли с пьедестала, и в ко-
нате прозрачно-голубой она живую
женщины стала. О вечной непо-
движности забыл стал мрамор телом
нежностью, пахнущим весенней
утренней свежестью. Задумчивое све-
тлое лицо, цветок полуоткрытых губ,
дыханием наполненная грудь, отки-
нутые крылья рук и тела сине-ледя-
ный снег — мне хочется сравнить
с озерной белой птицей под назва-
нием Лебедь, надевшей на себя берего-
вой туман, нездешней, неземной и
вечно нам необходимой во имя кра-
соты.

Так — на картине Ренуара ты,
земной и неземною возникая,
являешь нам прекрасную черту.
И ты действительно такая,
и наяву такая же, как во сне.
Одна и та же в разном.
Что ни день — другая.
Вся — красота, вся — разум.
Высокая, далекая,
земная, неземная,
грешница, святая.
И ты — такая
только необходима мне.

Перевел Семен КИРСАНОВ

Вадис РЕЙМЕРИС

Янина ДЕГУТИТЕ

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

Я падал у края дороги.
Я верил: как тихие сестры,
травы в поле сойдутся,
наклонятся у виска.
Но стебли, такие тоненькие,
взвивались

и, словно сосны,
молча меня, усталого, оглядывали
высоко.
И не было, не было в поле
ниже меня былинки.

А где-то моя дорога
все шла без меня в пыли...
И не было на планете
меньше меня пылинки,
и глухо стучало сердце
о жесткую грудь земли.
Но все это длилось недолго.
Мне стоило в пыль дорожную,
с тихой травой подымаюсь,
поставить упрямый башмак,
чтоб звезды, такие горячие,
снова сжимались в горошины,
рукой моей, в космос протануть,
стянутые в кулак.

Перевел С. ЛОМИНАДЗЕ

Южный ветер — веселый парень —
Сбросил шапку с моей головы.
И надул ее,

и понес по земле Литвы.
Где уронит он шапку эту?
На какой меже полевой?..
Вот иду я за ней
по белому свету
с непокрытой головой.

Перевел В. ОКУДЖАВА

ЖИЗНЬ

На свете ты живешь однажды,
И живешь тебе одна дана.
Пой жизнь, не уходи однажды,
Пей сладость с горечью — до дна.

Пусть обернется жизнь огнем,
Не поборужу тебя убогий,
Пусть обернется жизнь огнем
И грудь сжимающей тревогой,
Неуклюженно и желанной,
Сверкающей голубизной.

Тебе всего однажды данной,
Неповторимой весной!
Пусть капли не прольются даром,
На свете только раз живешь,
Пусть эта жизнь горит пожаром,
Ее, как знамя, пронесешь.
Однажды ты живешь на свете,
Живя в горенье и в борьбе,
Пусть солнце входит на рассвете
И в сердце, как в окно, к тебе.
Да будет жизнь однажды данной
Сверкающей голубизной,
Неуклюженно и желанной,
Неповторимой весной.

Перевела С. МАР

Антанас ВЕНЦЛОВА

Как сердцу легко от того, что весной
Над Неманом снова, вздымаются
волной,

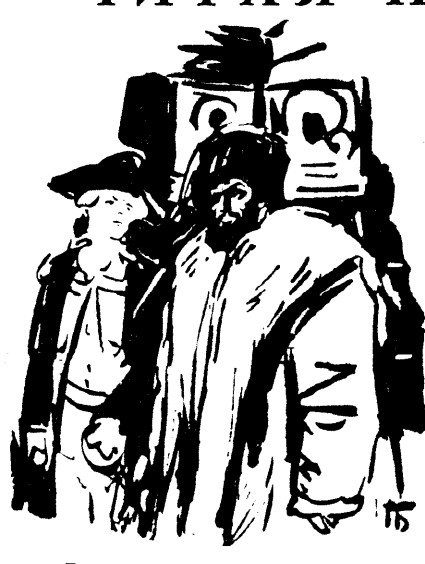
Садов облака забелели.
Что руки ветвей наклонятся опять,
Колесба плоды, будто нежная мать
Качает дитя в колыбели.

Перевел В. БЕРЕСТОВ

Была та смутная пора,
Когда Россия молодая,
В боях с силами Напуган,
Мужала с гением Петра.

ЧИТАЯ ПУШКИНА...

Пугачев посматривал на Швабрину и
сказал с горькой усмешкой: «Хорош
у тебя лазарет!»

Первая в жизни иллюстрация была
сделана к «Руслану и Людмиле». Тогда де-
вятилетний Павлик Бунин учился в Цен-
тральном доме художественного воспита-
ния. Сейчас у Павла Бунина уже около
шестидесяти рисунков к стихотворениям
А. С. Пушкина. В конце мая под Ленингра-
дом, в Камероновой галерее города Пуш-
кина открылась выставка произведений
графина. Некоторые из них вы видите са-
модиа на страницах «Литературной га-
зеты»...

И. СЕРГЕЕВА

На земле Шекспира и Бернса

К. А. Федина
и
А. Т. Твардовский
рассказывают
о своей поездке
в Англию

Как уже сооб-
щилось в «Лите-
ратурной газете»,
недавно по при-
глашению Бри-
танского Совета
(официальный ор-
ган правительст-
ва Великобритании, ведающий пропа-
гандой и культурными связями с ино-
странными государствами) в Англию
выезжали К. А. Федина и А. Т. Твардов-
ский. По возвращении на Родину пи-
сатели рассказали о своей поездке на за-
седании секретариата правления Союза
писателей СССР.

К. А. Федина заметил, что он и
А. Т. Твардовский с удовольствием
приняли приглашение Британского Со-
вета, имея в виду необходимость даль-
нейшего расширения творческих свя-
зей между советскими и английскими
писателями.

Британский Совет предоставил
нам возможность познакомиться с до-
стопримечательностями Лондона, посе-
тить Кембридж и Оксфорд, Стратфорд-
на-Эвоне и Эдинбург, побывать в му-
зеях, театрах, посетить памятные
места, связанные с именами Шекспира
и Бернса, — сказал К. А. Федина.
И хотя мы с Александром Троицким
Твардовским приехали в пору студен-
ческих каникул, когда студенты
Оксфорда и Кембриджа отправлены в
экскурсии, а здесь можно было увидеть
лишь некоторых профессоров, диа-
гноза пересекших клубы, что явля-
ется привилегией лишь профессоров
данного колледжа, — это обстоятель-
ство все же не огорчило нас.
Большой и разнообразной программой,
предложенной нашими гостеприимны-
ми хозяевами.

Касаюсь этой первой части програм-
мы, А. Т. Твардовский сделал интерес-
ные дополнения.
— Мне прежде всего хочется ска-
зать о Стратфорде-на-Эвоне, где, как
святыню, оберегают домик Шекспира.
Этот домик с почернившими балками
и тяжелыми плитами полов произвел на
нас огромное впечатление.

Вспоминается сейчас и древ-
ний, словно врезанный в скалы Эдин-
бург, и, конечно, огромный Лондон,
познакомивший нас с чудесной На-
циональной галереей, Королевской оперой,
недавно выстроенным новым концерт-
ным залом «Фестивал-холл», в котором
мы слушали концерт из произведений
Моцарта, Баха и Стравинского.

Рассказывая о том, как сказало, «литте-
ратурной» части пребывания в Лондо-
не, А. Твардовский сообщил о своем
посещении парламента, где он был

встречен членом парламента Эмри-
сом Хьюзом.

В течение трех недель советские го-
сти в английскими писателями,
представляющими различные творче-
ские направления, издателями, пред-
ставителями различных кругов англи-
ской интеллигенции.

Несколько раз они беседовали с
сэр Чарльзом Сноу, крупным совре-
менным прозаиком, и его супругой,
писательницей Памелой Хонсфорд Джон-
сон.

Чарльз Сноу, маститый и весьма
популярный в Англии романист, автор
трилогии, посвященной жизни англий-
ских ученых и студенчества, произвел
на нас впечатление приятного челове-
ка, лишенного предвзятости, — сказал
К. А. Федина. — Чарльз Сноу при-
гласил к себе в гости, оказал нам ра-
душный прием.

Этот прием был нам приятен и
потому, что уже с первых часов зна-
комства мы ощутили некоторую бли-
зость во взглядах на литературу, в
отношении к реализму, — заметил А. Т.
Твардовский. — Обнаружились наши
взаимные симпатии к литературам
наших стран. Сноу сказал, что еще
в юности он ощутил большое влияние
великих мастеров русской литературы,
русской критики, отдавая предпочтение
Белинскому, у которого, по мнению пи-
сателя, особенно развито эстетическое
начало. Подчеркнув, что он «слишком
многом обязан русской литературе»,
Сноу заметил, что Толстой и Чехов —
«это боги», и высоко оценил также
творчество Тургенева, Лескова и До-
стоевского.

В Лондоне перед визитом к супру-
гам Сноу советские писатели посети-
ли «Тейт Галери» — великолеп-
ное собрание английской живописи
и европейских мастеров, галерею,
где, к сожалению, отдающую из-
рядному дань мертвящему абстрак-
ционизму. Естественно, что и об
этом зашла речь. Но леди Памела
решилась предложить нам касаться
этого предмета. Хозяин дома придер-
живался иного взгляда:

В отношении литературы пре-
восходство реализма мне совершенно
ясно. А в изобразительном искусстве
еще много темного, и бог его знает, как
с ним быть, — сказал сэр Сноу.

Однако эта и некоторые иные част-
ности не помешали собеседникам при-
йти к выводу о необходимости взаимно-
го сближения художников Советского
Союза и Англии, о все возрастающем
в Англии интересе к русской, совет-
ской культуре. — Этому не в малой мере помогли

побывавшие до нас в Англии со-
ветские писатели — Полевой, Мар-
шак, Сурков, многие сделавшие для
ознакомления английской обществен-
ности с достижениями нашей отече-
ственной культуры, — сказал А. Т.
Твардовский. — Они, так сказать,
проложили стезю, содействуя быст-
ро нарастающему интересу к совет-
ской культуре, интерес, многочислен-
ные свидетельства которого то и дело
обращали наше внимание.

Неотлучным переводчиком совет-
ских писателей был англичанин, в
прошлом летчик, участник мировой вой-
ны, ныне преподаватель русского язы-
ка и литературы Питер Норман, ко-
торого Твардовский и Федина дружно
окрестили Петром Петровичем. В со-
вершенство зная русский язык, он на
память читал стихи Пушкина и Лермон-
това, причем не широко известные кре-
стополюсники, а те, которые обыч-
но знают люди, особенно горячо любя-
щие русскую поэзию. Неумолимый гид,
постоянно обо всем информируя гостей,
не упускал возможности узнать у них
о последних московских новинках в
прозе, драматургии, на экране. Впро-
чем, об этом Федина и Твардовский
рассказывали всюду.

Нарастание интереса к советской ли-
тературе и ее мастерам нашло свое
отражение и в том, что здесь, в Лондоне,
называют «историей» Бернса.

Несколько раз мы слышали от
англичан, знающих русский язык, о
том, что, начав читать Бернса по-ру-
сски, они по-новому ощутили величие
замечательного шотландского поэта, —
сказал А. Т. Твардовский. — По мне-
нию этих англичан, та широкая попу-
лярность, которой поэзия Бернса по-
льзуется в Советском Союзе, связана с
блестящими переводами Маршака,
обретшими огромный круг благодарных
читателей, — эта популярность как бы
вновь озарила славу поэта и на его
родине, и в восприятии англичан.

Гости, разумеется, побывали на ро-
дине Бернса, в Шотландии, посетили
знаменитый мемориальный домик по-
эта, вызвав неожиданный, как в шутку
замечал А. Т. Твардовский, «переполох
общественности». Будучи в домике и
музее Р. Бернса, советские гости за-
метили, что оригиналы стихотворений
Бернса выставлены в витринах в по-
длинниках. Это, естественно, подвергает
их опасному воздействию солнца и не-
равномерного отопления. Таким же об-
разом хранились в Стратфорде-на-Эвоне
и прижизненные издания Шекспира.

Мы сказали нашим любезным хо-
зяевам, что подобное хранение столь
ценных реликвий вряд ли соответству-
ет современной технике и что, видимо,

позднее экспонировать фототиниро-
ванные макеты и копии, а доступ к ор-
гиналам должен быть ограничен, — по-
яснил А. Т. Твардовский. — И хотя в
печати появилось разъяснение специа-
листа-хранителя, что, мол, русские
друзья преувеличивают опасность, все
же нафиг сигнал был, кажется, услы-
шан...

Еще одним свидетельством расту-
щего в Англии интереса к русской, со-
ветской культуре является также и де-
ятельность в Лондоне Пушкинского клу-
ба (кстати, совершенно напрасно газета
«Литература и жизнь» создание этого
клуба приписывает «инициативе А.
Суркова»). В действительности он ор-
ганизован постоянно проживающими
в Лондоне русскими людьми.

Это чрезвычайно трогатель-
ный очажок русской культуры в Ан-
глии, — заявил А. Т. Твардовский, —
хотя он и носит полунатурный характер.
Клуб, созданный на добровольные да-
ния, бережно хранит библиотеку, кро-
потливо собирает русские издания. Мы
провели здесь памятный вечер.

Некоторую часть членов Пуш-
кинского клуба составляют эмигранты
из России. Особое участие «эми-
гранты второго поколения», с помощью
которых англичане могут знакомиться
с русской речью. Из этой среды,
кстати, выходят неплохие переводчики,
рецензенты.

Мы наблюдали и разительные
превращения. Перед нами в образе
настоящего космополита, дельца, кото-
рого ничто не греет, кроме фунта и
доллара, возникал иногда тот или иной
человек.

Но нам было приятно встретиться
здесь с теми русскими людьми, которые
в меру своих возможностей трудятся
для благородного дела сближения куль-
тур советского и английского народов,
— сказал А. Т. Твардовский.

«Проблема сближения» была «темой
№ 1» в беседах советских и англи-
ских литераторов.

В этом смысле показательной бы-
ла встреча с известным английским
писателем и издателем Стивенсом Спен-
дером, с которым я познакомился еще
в 1956 году на состоявшейся в Ве-
неции встрече, устроенной Европей-
ским обществом культуры, — ска-
зал К. А. Федина. — Уже тогда
Спендер показался мне горячим посто-
плением. Этот весьма популярный в Ан-
глии писатель сообщил нам, что не так
давно он посетил Советский Союз, ко-
торый произвел на него сильное впечатле-
ние. Во время нашей встречи в Лон-
доне мы обменялись мнениями по раз-
личным проблемам современной лите-
ратурной практики.

(Окончание на 4-й стр.)

Ион Друцэ

Собственно, что такое большое село? Пять-
сот дворов — хахати? Ну, если пятьсот дво-
ров хватит, то Кумпэна-Веке может считаться
по-настоящему большим селом, так как насчи-
тывает тысячу дворов с липками, а сколько
такого липки — один бог знает. Да что
бог — над этим билось до седины уже че-
тыре секретаря сельсовета, а теперь и у пятого
проседа, хотя паренят он еще молодой.

Все дело в том, что кумпанэ — народ, с
точки зрения статистики, чрезвычайно энер-
гичный, и у них слишком много чувств
юмора. Допустим, идет перепись. Один, более
чувствительный к славе, записываются по
два-три раза; а другие вовсе не записы-
ваются, чтобы полюбопытствовать: кто
и когда о них вспомнит. Прodelывать такие
штуки очень легко, ибо добрая половина этих
кумпанэ носит одинаковые фамилии — Па-
дурару. Здесь есть даже четыре Ивана Ива-
новича Падурару. В двух местных школах
треть учителей и больше половины учеников
— тоже Падурару: классные журналы насчи-
тывают по две-три странички на букву «П».

Говорят, лет триста тому назад в селе был
всего-навсего один Падурару, и все вышедшие
— его потомство. Теперь этому трудно по-
верить...

Однако, вероятно, происходит он от одного
и того же Падурару, так как все без ис-
ключения обладают одним удивительным даром:
все они — народ очень голосистый. У всех
такие звонкие и мелодичные голоса, что, если
встретить нескольких Падурару на гулянье,
обязательно подожжешь, пока они запойт.
И уж тогда, может быть, впервые в жизни,
наслушавшись твоей собственной фамилии и
ты подумаешь: а ведь можно же так слу-
читься, чтоб и я родился Падурару!

Широкоую славу завоевали селу эти ме-
лодные голоса, но, по правде говоря, до-
ставляют они и много хлопот. Уж если на со-
брании доберется до трибуны какой-нибудь
Падурару, то будет говорить, пока самому не
надоест, — превратив его обыкновенного че-
ловека не под силу. Зато уж если сцепятся
между собой две падурянки, то кумпанэ ре-
шительно не о чем будет сплетничать — и
без них все село будет знать, чем вызван спор
и чем он кончился.

Все это, конечно, еще куда б ни шло. Но,
как было сказано выше, Кумпэна — по-насто-

Ион Друцэ

ящему большое село, и добрая половина жи-
телей его Падурару. Что ни день, рожда-
ются на свет маленькие падурянки, зато
случается, что из самых старых кто-нибудь по-
мирает. И уж как устроит похороны, как по-
йдут падурянки голосить! Голосит они жутко,
голосит так, что сердце сжимается в маковое
зернышко, и хоть ты понятия не имеешь о том,
кого хоронят, будешь убиваться, как будто по-
терел лучшего друга.

И это бы еще ничего, но падурянки вооб-
ще любят погословить. Уму непостижимо, от-
куда только они предлоги берут! Провожают
пьянника в армию — голосит. Забудутся
теленки в лесу — голосит. Поссорились с му-
жем из-за тещи или с тещей из-за мужа —
опять голосит.

Правда, сами падурянки очень любят, если
кто голосит. Стоят смирно и вынимают
ослушают с начала до конца, а потом анали-
зируют с точки зрения литературной, музы-
кальной и исполнительской. Что до мужчин,
то положение их воистину незавидно. Мужчи-
ны вообще трудно переносят слезы, а при-
чинания падурянки — это целое море слез...

Особенно трудно приходится местной интел-
лигенции. Тут спасаются кто как может. Ди-
ректор средней школы, например (историк по спе-
циальности), рассматривает причинания в их
историческом аспекте, и эти научные размыш-
ления действуют на него успокаивающе. Мест-
ный врач, занимающийся, кроме всего прочего,
и сбором фольклора, радуется каждому при-
чинанию, ибо это для него новая страничка в
объемистой рукописи, кратко озаглавленной
«Музыкальный архив», кратко озаглавленной
«Музыкальный архив», кратко озаглавленной
«Музыкальный архив», кратко озаглавленной

и случаи настоящего плагиата. Несколь-
ко старых падурянок, знающих толк в
этом деле, хлопчут без конца, устанавливая
первенство в этом деле. Правда, спорят только о
втором месте и ниже — звание лучшей мастерицы
по причинаниям уже лет десять сохраняют за
собой Илана Сандуца, невысокая вдовушка с
красивыми черными глазами. Это тем более
странно, что сама Илана голосила не более
двух-трех раз в своей жизни. Последний раз
она голосила года три тому назад, на похоро-
нах своего мужа, умершего после тяжелой
операции. Голосила она мало, пока несли
гроб, но зато уж и голосила!.. Эти дни оста-
нутся в истории села как самые грустные по-
сле татарского нашествия...

Молодой председатель был в то время сту-
дентом и не слышал этого знаменитого при-
чинания. Да он его, верно, и не пережил бы,
ведь даже в кратком пересказе это
причинание отзывалось у него жуткие спазмы.

Илана была скромной, тихой женщи-
ной и такой работящей, что по осени по-
лучала на трудовую вровень с бригадиром.
Трое ее ребятишек, оставшихся от мужа, хо-
дили чистенькими, опрятными.

Домик Иланы, расположенный на самой
окраине, был маленький, уютный, покрытый
оливкой соломой. Только мало в нем жили —
вечно висел на дверях, греясь на солнце, стар-
ый замок. Хозяйка работала в поле с утра
до ночи, дети были в садике. Только под са-
мый вечер возвращалась ее ребятишки —
шли молча, шеренгой, крепко держась друг
за друга. Следом за ними возвращалась и
Илана — минутку дымила трубу, минутку о-
на светилась, а назавтра чуть свет опять ви-
сел замок, дожидаясь, пока взойдет солнце,
чтоб погреться невозможно.

Однажды летом, в самую жаркую пору дня,
неизвестно, каким образом, загорелся этот до-
мик. Хозяйки, ясно, не было. Сорвал единым
духом — когда соседка бежала, то на-
шла только голые стены и теплую золу. Мом
Никита, самый старый в селе Падурару, по-
добрав горячий замок, каблучком зажал его в
землю, чтоб поостыл, после чего вздохнул:

— Вот будет голосить...

Неизвестно, как узнал председатель о слу-
чившемся, но пришел тут же. Правда, по-
режку его машина шла очень медленно, го-
тонал в любую минуту свернуть обратно. Но
Иланы еще не было. Молодой председатель
большими затканными выкупил папиросу, вы-
пил принесенный соседями стакан воды, сно-
ва закурил. Спросил, где хозяйка. Илана в со-
седнем колхозе — опичает выменившие се-
мью. Тогда председатель посадил самого старе-
го Падурару в машину, и они поехали к со-
седям. О чем они говорили, дорогой, — неиз-
вестно. Собственно, и говорить было неко-
гда — соседний колхоз был рядом. Когда по-
дъехали к зерновому складу соседей, мом
Никита вышел из машины очень вольнован-
ный, а председатель, присев возле насыпан-
ных семян, медленно просеивал зерна сквозь
пальцы, будто считал их. Илана только что
расстелила на траве чистый платочек, едва
начала раскладывать свой обед. Увидев их,

замерла вся, глядя на моша Никиту. И тут
старый Падурару бойко заагала к ней:

— Послушай, Илана...

У бедной женщины глаза окаменели, ища
защиты...

Еле прошептала:
— Мом Никита...

Но старый Падурару — не зря же его при-
вели сюда на машину! — побавовел и крик-
нул, точно она доводилась ему дочкой родной:
— Эй, ты, не балуй! Со мной шутки плохи!
Черные глаза вздрогнули во влажных ка-
емочках:

— Мом Никита...

— Слушай, глупая баба... Домик у тебя
сгорел. Сорвал только дух... — Здесь старый Па-
дурару перевел дух — у молодого председа-
теля перехватило дыхание от спазмы, а Илана
уже заагала руки...

— Цыц, слушай! Сказал товарищ председа-
тель, что завтра, когда вернешься отсюда, на-
девай такой домик, какого не было ни у де-
да, ни у прадеда твоего... Ребятишек оставь на
ночь в садике... Только чтоб не голосить...
Чтоб без этого самого...

Молодой председатель смотрел на нее умо-
ляюще. Бедная Илана... Крепко стисну-
ла зубы, собрала свои молящиеся руки
в два каменных кулака и стала ими сверлить
себя, а по смуглому лицу уже бежали ручей-
ками слезы, стекали с подбородка на колени
и расплывались двумя мокрыми пятнами по
ее ситцевой юбке...

Старый Падурару снял шляпу, облегченно
вздыхнул, вытер лоб:

— Все, товарищ председатель... Раз пошла
плакать — голосить не станет... Теперь едем.

И дом выстроили. Собирались все Падурару
и работали до вечера, потом всю ночь труди-
лись, и утром опять никуда не работала. Снеси
остаток старого дома и свезли в овраг, за де-
ревню. В глубине двора под старым оредом
выстроили новый дом, покрыли его черепицей,
чтоб никогда больше не горел. Обили досками
полы во всех трех комнатах и на кухне. Вста-
вили новые двери и новые окна — даже вы-
красили в сапатовый цвет, каким были окра-
шены окна в старом доме.

На второй день, под вечер, во дворе оста-
вался только самый старый Падурару, — вре-
зал замок в новых дверях.

Вдруг все стихло. В конце улицы появилась
сухопарая низенькая женщина, следом за
ней шли двое ребятишек, крепко держась друг
за друга. Шли они медленно, потом побежали,
потом опять пошли медленно... У ворот
остановились все четверо. Руки женщины воз-
неслись к небу, затем скользящими упали на плечи
ребятишек, — и уже потекли слезы, и дро-
гули губы, но тут самый старый Падурару
опять побавовел и закричал, точно она ему до-
водилась дочкой родной:

— Эй, ты, не балуй! Со мной не шут! Иди
лучше посмотри домик — осталось только об-
мазать и побелить...

Легко сказать — иди... Из толпы вышла
старая седая падурянка и подошла к Илане:
— А что, идем, посмотрим...

«Упрugo оттолкнувшись от спинки дивана, Валя... села на подлокотник кресла, положила руку на его затылок, погладила, будто трехлетнего мальчика. Ответливо и горячо выговорила:

— Ты честный, прями... Не хочу, чтобы она обманывала тебя. Она же не стоит тебя, твоя Люся. А если ты мне не веришь, я и доказательства могу предгавить...»

И он поддался ласковым словам, положил голову на колени, зажмурился...

Валя все гладила его волосы, потом переложила голову Скурихина на свои(?) колени.

— Ты ж смелый, честный... Сейчас такие люди, как ты, нужны, очень нужны... Жена обязана тебя любить... А она вошла в кровать к тому пошлаку...

— Зачем ты меня дразнишь? — тоскующими глазами, затравленно озирая комнату, спросил Скурихин.

Валя помедлила с ответом. Она все играла веером. Платье ее расстегнулось и на вторую пуговицу...

Какой смысл так в себе столь красочная сцена соблазнения новоявленного Иосифа Прекрасного женой Пентефиды? Ответ на этот вопрос дает редакция журнала «Молодая гвардия» в январской книжке за 1960 год:

«В этом номере мы печатаем повесть А. Туницкого «Нителли нового дома». Эта повесть о борьбе стилей в нашей архитектуре, о революционных понятиях красоты, которые отстаивает ее главный герой, молодой архитектор Владимир Скурихин», — так представляет редакция произведение, отрывок из которого приведен выше.

Итак, «Нителли нового дома», оказывается, повесть о революционных понятиях красоты, о прекрасном в жизни и искусстве? А привлекательнее еще сейчас не что иное как суровый суд, которому поверг писатель своих героев?

Впрочем, наверное, это так! Вглядитесь пристальнее в заглавие повести: «Нителли нового дома».

В заключительных абзацах автор прямо разясняет, о чем речь в книге: о том «прекрасном, поистине, красивом здании», имя которому коммунизм.

Вот он каков, замысел автора: написать книгу о людях будущего, о том, какими они должны быть. Но ведь не такими же, какими они предстают в приведенном выше отрывке? Конечно, нет! Образ Скурихина, судя по этой сцене, никак не может быть эталоном. Читая повесть, начинаешь понимать своеобразие этого характера: Скурихин хороший работник с остро развитым чувством нового, но у него тяжелое заболевание — удивительная душевная тугоухость, эмоциональная и эстетическая глухота. Он любит красивую, но недобрую женщину, которая изменила ему и выгнала его из дома. Он тоскует по ней, а когда становится невмосту, делится с другом своим Иваном Зубовым:

«— Она знает, что красива, и никогда не портит лицо косметикой. Если и подкрашивает губы, то чуть-чуть... А на ключице у нее шрам. Не родника. Родника — это ерунда...»

— Если поинжк переберешься, морду набью. Вовек я не дразнишь... соню обормот его Зубов».

Читая такое, естественно, испытываешь некоторую внутреннюю неловкость. Но, по всей вероятности, эта неловкость оправдана. Ведь в повести как раз и ставится вопрос о том, что наряду с культурой поведения существует еще и культура чувств, что духовный примитив, элементарность чувств и отношений неизбежно ведут к пошлости.

Подтверждение тому — вся история личной жизни Владимира Скурихина. Вояка с мещанством в архитектуре, отстаивая «революционные понятия красоты», так сказать, по службе, Владимир Скурихин далек от них в своей личной жизни. Духовный мир его удручающе беден, он вполне раскрывается в мещанских раздорах с тестем и женой, в довольно странных взаимоотношениях с подругой жены Валеи, тривиальных ухаживаниях за своей сослуживцей Симой. («Когда ей было девятнадцать лет, какой-то пройдоха обманул ее. Памятью об этом печальном происшествии осталась девочка Танюша...» — предпретительно сообщает нам автор).

Однажды «в полумраке коридора» Симочка «показалась Скурихину красивой: мягкий овал лица, слегка подкрашенные губы, полблещущие глаза, нежная, благоухающая кожа...». Это решило дело: он «наметился было поцеловать ее в волосы — просто так, дружески, в знак благодарности», но она подняла голову и «вышло так, что он поцеловал ее в губы».

Почелуя «в знак благодарности» оказался роковым. Положение усугубила жестокосердечная Валя. Потерпев фиаско в приведенной выше сцене соблазнения Скурихина, она дала ему совет: «Притягивайся теперь к рыжей Симочке. Нельзя ж оставаться одному. Да и для здоровья вредно...»

«И странное дело, — замечает автор: — после разговора с Валеи он чувствовал себя с Симочкой не по-обычному стесненно... то и дело ловил себя на том, что кидает чересчур внимательные взгляды на ее ноги, стиснутые полупрозрачными чулками...»

Нет нужды проследивать дальнейшие перипетии взаимоотношений Скурихина и Симочки. Достаточно познакомиться с теми жизненными «итогими», в которых приходит герой А. Туницкого: «Три женщины всерьез заделали сердце Скурихина, оставили в нем каждая свое. В начале юности — Маруся Церковная... Она разбудила в нем мужичи... Люся... Это раскрывалась любовь, временами безразудная, лишающая самостоятельности, горячая, жестокая, испепеляющая... Она вытеснила его на думу, как собаку. Она изменила... И все-таки за многие он благодарен ей... И, наконец, Симочка. Ничего не жаловался для любимого... И все же не думая о последствиях, бороться с тем, что считаешь неправильным...»

Три банальные, достаточно пошлые любовные истории. Три не очень грамотно выраженные пошловатые сентенции. Разоблачение героя завершено. Не ясно ли, что перед нами убогий в своей душевной бедности, примитивный, как моллюск, человек? Не ясно ли, что плоские перипетии его личной жизни находятся в вопиющем противоречии с «революционными понятиями красоты», ради защиты которых и написана повесть?

Это ясно, по всей вероятности, всем, кроме... автора. Да, мы не оговорились: кроме автора.

Амебообразные, нищие духом люди, действующие на страницах повести, представлены автором как раз в качестве положительных героев эпохи, положительных «жителей нового дома» — коммунистического общества.

«ИВАН ПРИТИХ...»

А. Туницкий написал плохую повесть. Стоило ли так резко говорить о неудаче молодого писателя, известного читателю рядом своих рассказов? Может быть, и не стоило, если бы недостатки повести «Нителли нового дома» не были столь серьезными и если бы они не были свойственными некоторым другим появившимся в последнее время книгам. К сожалению, не только в повести А. Туницкого обидается и ополчается советский человек. Не только в повести А. Туницкого в качестве нормы и чуть ли не идеала социалисти-

Картины Святослава Рериха

Более ста живописных полотен: портреты, пейзажи, натюрморты — представлено на выставке Святослава Рериха, открывшейся 11 мая в залах Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Художник — сын известного русского живописца, ученого и археолога Николая Рериха, был приглашен в нашу страну Н. С. Хрущевым во время его визита в Индию.

Почти 40 лет Рерих живет в Индии, и его искусство тесно сплетено с жизнью страны и ее народа. В работах художника оживает образ священной преисподней Индии, напоенной солнцем природы, величием снежных вершин Гималаев и причудливые цветные земли.

Единодушное мнение всех собравшихся на открытие выставки выразил посол Индии в СССР Г. И. П. Ш. Менон, сказавший, что выставка поможет более укрепить культурные связи Индии и Советского Союза.

На открытие выставки присутствовали член Президиума ЦИ ИКСС, министр культуры СССР Е. А. Фурцева, председатель Государственного комитета Совета Министров СССР по культурным связям с зарубежными странами Г. А. Жуков, президент Академии художеств СССР Б. В. Иогансон, деятели искусства, члены дипломатического корпуса.

Ведь пошлость в произведениях А. Туницкого, В. Р. Артищева и других вовсе не в том, что эти писатели обращаются к изображению сложного мира интимных отношений людей. Видеть пошлость в этом было бы ханжеством, а ханжество, как известно, не более чем разновидность пошлости. И мы — не за литературу, пытающуюся доказать истинность легенд о непорочном зачатии. Писатель вправе говорить о самых сокровенных отношениях и переживаниях, воспылывать чувства и эмоциями, учить чувствовать, учить любить. «Научить любить, научить узнавать любовь, научить быть счастливым — это значит научить уважать самого себя, научить человеческому достоинству», — говорил Мандельштам. Но разве учить любить, уважать любовь «лубочнической» литература, над которой издевался еще Щедрин?

Литература не знает запретных тем — важно только, чтобы она была подлинной литературой, освещенной высоким нравственным чувством, истинным эстетическим идеалом. Вот когда этого нет, тогда-то и открывается дорога пошлости в литературу.

Воспитывают не только вкус читательский, но и вкус писательский. Не обладающий вкусом читатель страдает, в основном, сам. Не обладающий вкусом писатель заставляет страдать других. Его творения наносят неизгладимый вред воспитанию «общественного вкуса к язычному», — критики, которые бьют тревогу по этому поводу, абсолютно правы.

РЕАБИЛИТАЦИЯ ОБЫВАТЕЛЬЩИНЫ

Говорят, о вкусах не спорят. Все знают, что это не так. О вкусах спорят, более того, вкус воспитывают. Воспитывают не только вкус читательский, но и вкус писательский. Не обладающий вкусом читатель страдает, в основном, сам. Не обладающий вкусом писатель заставляет страдать других. Его творения наносят неизгладимый вред воспитанию «общественного вкуса к язычному», — критики, которые бьют тревогу по этому поводу, абсолютно правы.

Однако проблема пошлых вкусов в литературе далеко не только эстетическая, но и нравственная, морально-эстетическая, а в конечном счете, и социальная, и политическая.

Ведь пошлость — это нравственный и эстетический кодекс обывателя. Это наследие старого мира, где наиболее трудно вести с ним борьбу, — в душах людей. А между тем борьба с пережитками прошлого в душах людей сегодня, в пору развернутого строительства коммунизма, приобретает особую остроту.

Идет сложный и многотрудный процесс формирования нового, коммунистического человека. Духовная мощь и гармоничность внутренней организации, благородство, утонченность (не надо бояться этого слова) — эмоции, чувства и отношений, богатство, глубина и сложность внутреннего переживания — таковы его важнейшие направления развития человеческой личности, будущего гражданина коммунистического общества.

Помогают ли воспитанию человеческой личности в этом направлении произведения типа повести А. Туницкого или романа В. Артищева?

Очевидно, нет.

Произведения подобного толка приносят вред коммунистическому воспитанию людей, — и не только потому, что воспитывают нравственно-эстетический примитив, искаженно рисуют внутренний облик советского человека. Духовная немощность, примитивность этих произведений оборачивается в конечном счете немощностью идейной. Удивительно бедна мыслью эта мелко-травчатая литература. Ее цель — завоевать денежную популярность у незыблещей читающей публики — того самого, о котором писал Шедрин: «В деле беллетристики он противник всяких психологических усложнений и анализов и требует от автора, чтобы он, без отвращения окружающей жизни, но с возможно большим разнообразием «особых примет», объяснил ему, каким телом обладает героиня романа, с кем и когда, и при каких обстоятельствах она совершила первый, второй и последующие адюльтеры...» Или такому читателю — мещанину. Вот почему говорить о такой литературе следует резко и беспошадно.

Впрочем, будем справедливы: содержание произведений А. Туницкого и В. Артищева не исчерпывается описанием любовных историй. В них содержится и своя, так сказать, «производственная» тема. Здесь нет недостатка в подробнейших технологических описаниях, касающихся архитектуры, металлургии или ядерной физики. Нет недостатка и в громких декларациях о нашем времени. Но вот беда: декларация, равно как и технологические описания, — это еще не характеры. В таких книгах не чувствуется дыхания современности, хотя много чисто внешних примет ее. Маленькие люди, населяющие эти произведения, с их душиным, микром чувствования и переживаниями, стеной отделены от жизни народа, его трудов, радостей, поражений, побед.

И ощущение это возникает именно в силу той близости, с какой показана в таких произведениях народная жизнь. Трудные, общественные коллизии в этих произведениях можно или вовсе убрать, или заменить: архитектуру на языкознание, атомную промышленность на лесозаготовку, — и ничего в результате не изменится, потому что производственные коллизии и конфликты здесь — отнюдь не конфлик-

(Окончание. Начало на 3.8 стр.)

— Касался различных литературных проблем, — продолжал А. Т. Твардовский. — Спендер высказал и некоторые странные, на наш взгляд, мысли. Он, например, спросил нас: «Неужели вы думаете, что наша советская литература столь же богатственна, как русская литература XIX века?» Мы ответили нашему гостеприимному хозяину, что мы не такие уж простаки, чтобы думать так. Ни в один период своего развития русская литература не думала о себе в таком плане. Но вместе с тем слово, сказанное советской литературой, принадлежит только ей, и оно, это слово, инеем, кроме нее, не сказано и, естественно, не могло быть сказано. Выслушав это замечание, Стивен Спендер ответил:

— Может быть, мы несправедливы к вам: так сложилось, что мы вас плохо знаем...

— Истина действительно такова, — продолжал А. Т. Твардовский, — что

ты характеров. Они лишь камуфляж, маскировка, декорация, фон.

В самом деле, разве не камуфляжем выглядит в романе В. Артищева все, что говорится о труде героев, — о том, что является делом их жизни? Каким холодным, равнодушным пером, хотя и с массой литературных красивостей, рассказывается в романе о научных исканиях профессора физика Митрофанова, как формально, поверхностно, приблизительно написаны главы о металлургическом заводе, куда попадает на перевоспитание приемный сын профессора Митрофанова Вальдик Муромский. И завод, и процесс перевоспитания этого юнца представлены в книге чисто символически. Зато с каким глубоким знанием дела живописуются в романе увлечения, соблазнения и страсти, попойки и гульбища — то, что на языке обывателя с давних пор именуется «изящная жизнь».

«Я так тебе скажу: для собственного удовольствия надо жить. Мне не удалось — ты бы хот», — настаивает одна из героинь романа В. Артищева свою дочь. Слова эти выражают жизненное кредо многих героев В. Артищева: и Вальдика Муромского, и его матери Гансы Сергеевны, и его бабушки, и его друзей, и певца Арсения Затворника, генералы Симы и других.

«Для собственного удовольствия надо жить», жить, по возможности, не трудясь, — эта обывательская философия, чаще замаскированная, реже обнаженная, пока еще будет в нашей жизни. Каленым железом следует выжигать ее.

Но, быть может, ради обличения обывательщины и написан роман? Если это так, то к чему в полной мере применимы слова Горького: «...автор желал обличить обывателя, незаметно для себя защищая его «право на жизнь»... Возможно и допустимо, что «от ума» — по теории — автор действует искренно, а эмоционально он обыватель не только жалеет, но и оправдывает... Проще говоря: я не вижу, не чувствую в повести ясного и определенного отношения автора к герою. Наш читатель нуждается именно в художественной ясности, гармонически соединенной с теоретической правдой века».

Вот этой «художественной ясности, гармонически соединенной с теоретической правдой века», четкого, ясного и определенного отношения автора к изображаемому очень не хватает не только роману В. Артищева. А. Туницкий «от ума», «по теории» также обличает обывателей — жещу и тестя архитектора Скурихина, но эмоционально эти персонажи оправданы. Оправданы прежде всего тем, что противопоставлены им в качестве антиподов, в сущности, те же обыватели, люди очень низкого духовного уровня, живущие узким кругом интересов, столь же бесчеловечны, как и они. Да и авторское отношение к героям в повести А. Туницкого настолько неопределенно, что трудно понять — осуждает или оправдывает автор тестя архитектора Скурихина, брызгливого обывателя и захребетника, прожигавшего жизнь не трудясь? Осуждает или, наоборот, одобряет А. Туницкий красавицу-жену Скурихина — мещаночку Люсей?

Валерий Артищев «от ума», «по теории» также пытается обличать обывательщину — в частности, ту комбинацию «стиляж», в которую попадает Вальдик Муромский. Один из героев романа обречен автором на самоуничтожение, другой «определен» на завод, где в мгновение ока перевоспитывается. И тем не менее, художественное воздействие произведения прямо противоположно «теоретическому» замыслу автора. Ни сто внешние авторские оценки, не воплощенные в художественную плоть, воспринимаются умозрительно. В то же время мещанский, обывательский быт живописуется в романе с таким смаком, с таким завидным знанием материала, в таких обильных, «облазнительных» подробностях, что роман В. Артищева, «от ума» обличающий обывательщину, эмоционально не только оправдывает, но и пропагандирует ее.

Автор не смог дать четкую эмоциональную, художественную оценку той обывательской среде, бытописателем которой он выступает. Атмосфера пошлости, обывательского мира, эмоциональная и эстетическая глухота автора, неясность эстетических и нравственных критериев лишили его возможности занять позицию более высокую, чем жизненная позиция его героев.

«В сущности, когда мы читаем или создаем художественное произведение нового автора, основной вопрос, возникающий в нашей душе, всегда такой: «Ну-ка, что ты за человек? И чем отличаешься от всех людей, которых я знаю, и что можешь мне сказать нового о том, как надо смотреть на нашу жизнь?» — говорил Лев Толстой. Читая произведения, подобные повести А. Туницкого или роману В. Артищева, убеждаешься, что авторы этих книг еще не завоевали право учить читателя, как надо смотреть на нашу жизнь.

На земле Шекспира и Бернса

советскую литературу в Англии пока слабо знают, как, впрочем, и наши советские читатели еще совершенно недостаточно знакомы с современной английской литературой. В этом смысле мы взаимно должны пополнять свои знания. Если провести линию, которая отметит рубеж знакомства английских читателей с русской поэзией, то, видимо, эта линия обрывается на Блоке. Кстати, Спендер завел речь о знаменитой блоковской поэме «Двенадцать», сравнивая ее с поэмой Элиота «Пустыня», которую он, Спендер, считает «шедевром поэзии XX века». Мы заметили, что при попытке сравнивать эти произведения следует помнить, что Блок хотя по-своему, но все же приветствует революцию, а Элиот говорит о «пустыне», которую якобы несут с собой культурному миру социальные потрясения, революции.

— Эта недолгая полемика убедила нас в том, что для того чтобы спорить, прежде всего надо лучше знать друг друга, — заметил А. Т. Твардовский. — Разделяя это убеждение, Спендер предложил организовать семинар, в котором приняла бы участие группа молодых литераторов двух стран и на котором были бы такие мастера старшего поколения. Это прекрасная инициатива, одобренная и Британским Советом. Нетерпеливо, в течение года, наши молодые литераторы сумели бы серьезно подготовиться к семинару. Таким образом, будущий семинар, быть может, станет первым практическим результатом нашей поэзии. А второй касается меня уже в качестве главного редактора журнала «Новый мир»...

Стивен Спендер совместно с Мелвином Дж. Ласки издают в Лондоне журнал «Епоуинт» («Встреча»). По предвостительной договоренности редакций журналов «Новый мир» и «Встреча» решили обмениваться материалами.

Встретились советские писатели и с маститым, пользующимся широкой известностью у шотландских читателей 77-летним романистом сэром Комптоном Маккензи, автором 78 книг, в том числе многих романов, а также старейшим даровитым поэтом Хью Макдайридом.

Возволающим были встречи с Джеком Линдсеем, Джеймсом Олдриджем и другими хорошо известными советским людям английскими писателями. Принимая гостей у себя дома, Олдридж решил их угостить кофе собственного приготовления, что напомнило Твардовскому страницы из романа «Охотники», когда герои готовят жаркое из окуны и ондатры...

Только что закончил роман, посвященный не столь давно происшедшим событиям в районе Суэцкого канала, — сообщил поэт Дж. Джеймс Олдридж. — Ближайшей творческой задачей будет роман, для написания которого мне хочется просить вашей помощи. Это роман о покорении Арктики. В нем встретятся два героя — англичанин и советский человек. Хотя они и представляют различные общественные формации, но это не значит, что один из них дурной, а другой хороший, оба — славные люди. Так

вот, я и хотел бы пресечь Союз писателей СССР помочь мне принять участие в одной из советских экспедиций в Арктику... А до этого, нынешним летом, я с семьей поеду снова отдыхать в СССР, на берег Черного моря. Отдохну, а потом — опять за дело!

К. А. Федин и А. Т. Твардовский обещали содействовать Джеймсу Олдриджу в реализации его замысла.

Взаимно полезный деловой разговор советские писатели вели с английскими издателями. Вслед за Сноу, намеревающимся прислужить к изданию произведений советских авторов, эту мысль высказали и директор книжного издательства Макмиллан, сын премьер-министра Великобритании, представитель издательства Хайемана, Хатчинсона и другие. Нужно надеяться, что эти беседы дадут свои плоды.

— Нас принимали в Англии тепло и сердечно, — резюмировал А. Т. Твардовский. — Мы можем с чувством признательности отметить, что хозяева дома нам возможность в короткий срок познакомиться с отдельными чертами английской культуры, ее святынями и сокровищами, а также установить контакты с писателями.

Я полностью разделяю мнение Александра Трифоновича и считаю не обходимым отметить, что наша поездка была полезной, сказал К. А. Федин. — Кстати, добродетельный приезд, оказавший нам, а также некоторые мои личные наблюдения несколько поколебали в моем сознании традиционное представление об английской сдержанности. В своем кругу англичане, оказывается, очень темпераментны и импульсивны. На концерте мы наблюдали трехтысячную аудиторию слушателей, охваченную восторгом. На спектакле «Два веронца» в Стратфорд-на-Эвоне, очень хорошим спектаклем, несправедливо раскритикованном лондонской прессой, хохот сопровождал все действия... И, наконец, наши личные беседы и встречи были искренни, взаимоуважительны, прямыми. Это приятно, это хорошо! И в связи между нашими литераторами наступают долготрадные весна, которая повелительно вменялась в жизнь и отношения всех народов.

Одной из беззаветных примет этой весны является желание и намерение многих наших английских коллег посетить в ближайшее время Советский Союз. К нам в гости собираются Чарльз Сноу и его супруга Памела Хэнсфорд Джонсон. Выразил желание побывать в СССР Комитон Маккензи. Об этом же говорил и Джон Б. Пристли, с которым мы также повстречались в Лондоне... Мы будем рады встретить их на нашей родной земле и ответить гостеприимством.

Константин Александрович Федин в заключение подчеркнул, что чем чаще встречаются писатели разных стран и народов, тем более живительным и плодотворным становится их творческое общение. Вот почему вместе с недавними гостями английских литераторов мы говорим нашим будущим английским гостям:

— Добро пожаловать!

Н. МАР

ПЕРЕД ШТУРМОМ ПОЛЯРНЫХ ЛЬДОВ

Если бы нам показали некоторые кадры этого фильма, не предугадывая, что все точно соответствует действительности, мы бы, вероятно, решили, что перед нами отрывки из научно-фантастической картины. Взять хотя бы эпизод, в котором двое молодых людей в прозрачных скафандрах опускаются под стомый реактор. Но это не фантастика, не мечта, это жизнь, это наука, это техника наших дней...

«Атомный флагман» — фильм не просто о каком-то новом достижении науки, хотя бы и о ее интереснейшей отрасли — атомной энергии. Это фильм о покорении Арктики. Но и самые сильные ледоколы остаются в стороне перед ледяными полями, не выдерживали схватки. Увеличение мощности корабля требовало увеличения запасов его топлива, а заправка топливом на Севере — дело трудное, долгое. Для создания по решению XX съезда КПСС атомного ледокола этой проблемы практически не существует. Годовой запас топлива для него мог бы уместиться в маленьком спортивном чемоданчике. Приходится верить — так говорят ученые, но, честно говоря, это кажется совершенно невероятным, ведь мощность ледокола «Ленина»... Впрочем, представим слово директору фильма...

«Это самый большой ледокол в мире: длина его 134 метра. Это самый сильный ледокол в мире. Богатыри на нем ледокольного флота: «Ермак», «Красин», «Сталин», «Капитан Белоусов», вместе взятые, обладают мощностью меньшей, чем ледокол «Ленин»...»

Операторы не стремились поразить зрителя какими-то необычайными ракурсами, из ряда вон выходящими приемами. Они по-настоящему гордились тем, что первая в мире атомная электростанция, первая в мире искусственный спутник Земли, первый в мире атомный реактор...

Авторы фильма не стремились поразить зрителя какими-то необычайными ракурсами, из ряда вон выходящими приемами. Они по-настоящему гордились тем, что первая в мире атомная электростанция, первая в мире искусственный спутник Земли, первый в мире атомный реактор...

Авторы фильма не стремились поразить зрителя какими-то необычайными ракурсами, из ряда вон выходящими приемами. Они по-настоящему гордились тем, что первая в мире атомная электростанция, первая в мире искусственный спутник Земли, первый в мире атомный реактор...

Авторы фильма не стремились поразить зрителя какими-то необычайными ракурсами, из ряда вон выходящими приемами. Они по-настоящему гордились тем, что первая в мире атомная электростанция, первая в мире искусственный спутник Земли, первый в мире атомный реактор...

Авторы фильма не стремились поразить зрителя какими-то необычайными ракурсами, из ряда вон выходящими приемами. Они по-настоящему гордились тем, что первая в мире атомная электростанция, первая в мире искусственный спутник Земли, первый в мире атомный реактор...

Авторы фильма не стремились поразить зрителя какими-то необычайными ракурсами, из ряда вон выходящими приемами. Они по-настоящему гордились тем, что первая в мире атомная электростанция, первая в мире искусственный спутник Земли, первый в мире атомный реактор...

Авторы фильма не стремились поразить зрителя какими-то необычайными ракурсами, из ряда вон выходящими приемами. Они по-настоящему гордились тем, что первая в мире атомная электростанция, первая в мире искусственный спутник Земли, первый в мире атомный реактор...

Авторы фильма не стремились поразить зрителя какими-то необычайными ракурсами, из ряда вон выходящими приемами. Они по-настоящему гордились тем, что первая в мире атомная электростанция, первая в мире искусственный спутник Земли, первый в мире атомный реактор...

Авторы фильма не стремились поразить зрителя какими-то необычайными ракурсами, из ряда вон выходящими приемами. Они по-настоящему гордились тем, что первая в мире атомная электростанция, первая в мире искусственный спутник Земли, первый в мире атомный реактор...

Авторы фильма не стремились поразить зрителя какими-то необычайными ракурсами, из ряда вон выходящими приемами. Они по-настоящему гордились тем, что первая в мире атомная электростанция, первая в мире искусственный спутник Земли, первый в мире атомный реактор...

Авторы фильма не стремились поразить зрителя какими-то необычайными ракурсами, из ряда вон выходящими приемами. Они по-настоящему гордились тем, что первая в мире атомная электростанция, первая в мире искусственный спутник Земли, первый в мире атомный реактор...

Авторы фильма не стремились поразить зрителя какими-то необычайными ракурсами, из ряда вон выходящими приемами. Они по-настоящему гордились тем, что первая в мире атомная электростанция, первая в мире искусственный спутник Земли, первый в мире атомный реактор...

Авторы фильма не стремились поразить зрителя какими-то необычайными ракурсами, из ряда вон выходящими приемами. Они по-настоящему гордились тем, что первая в мире атомная электростанция, первая в мире искусственный спутник Земли, первый в мире атомный реактор...

Авторы фильма не стремились поразить зрителя какими-то необычайными ракурсами, из ряда вон выходящими приемами. Они по-настоящему гордились тем, что первая в мире атомная электростанция, первая в мире искусственный спутник Земли, первый в мире атомный реактор...

Авторы фильма не стремились поразить зрителя какими-то необычайными ракурсами, из ряда вон выходящими приемами. Они по-настоящему гордились тем, что первая в мире атомная электростанция, первая в мире искусственный спутник Земли, первый в мире атомный реактор...

Авторы фильма не стремились поразить зрителя какими-то необычайными ракурсами, из ряда вон выходящими приемами. Они по-настоящему гордились тем, что первая в мире атомная электростанция, первая в мире искусственный спутник Земли, первый в мире атомный реактор...

Авторы фильма не стремились поразить зрителя какими-то необычайными ракурсами, из ряда вон выходящими приемами. Они по-настоящему гордились тем, что первая в мире атомная электростанция, первая в мире искусственный спутник Земли, первый в мире атомный реактор...

Авторы фильма не стремились поразить зрителя какими-то необычайными ракурсами, из ряда вон выходящими приемами. Они по-настоящему гордились тем, что первая в мире атомная электростанция, первая в мире искусственный спутник Земли, первый в мире атомный реактор...

Авторы фильма не стремились поразить зрителя какими-то необычайными ракурсами, из ряда вон выходящими приемами. Они по-настоящему гордились тем, что первая в мире атомная электростанция, первая в мире искусственный спутник Земли, первый в мире атомный реактор...

Авторы фильма не стремились поразить зрителя какими-то необычайными ракурсами, из ряда вон выходящими приемами. Они по-настоящему гордились тем, что первая в мире атомная электростанция, первая в мире искусственный спутник Земли, первый в мире атомный реактор...

Авторы фильма не стремились поразить зрителя какими-то необычайными ракурсами, из ряда вон выходящими приемами. Они по-настоящему гордились тем, что первая в мире атомная электростанция, первая в мире искусственный спутник Земли, первый в мире атомный реактор...

Авторы фильма не стремились поразить зрителя какими-то необычайными ракурсами, из ряда вон выходящими приемами. Они по-настоящему гордились тем, что первая в мире атомная электростанция, первая в мире искусственный спутник Земли, первый в мире атомный реактор...

Авторы фильма не стремились поразить зрителя какими-то необычайными ракурсами, из ряда вон выходящими приемами. Они по-настоящему гордились тем, что первая в мире атомная электростанция, первая в мире искусственный спутник Земли, первый в мире атомный реактор...

Авторы фильма не стремились поразить зрителя какими-то необычайными ракурсами, из ряда вон выходящими приемами. Они по-настоящему гордились тем, что первая в мире атомная электростанция, первая в мире искусственный спутник Земли, первый в мире атомный реактор...

Авторы фильма не стремились поразить зрителя какими-то необычайными ракурсами, из ряда вон выходящими приемами. Они по-настоящему гордились тем, что первая в мире атомная электростанция, первая в мире искусственный спутник Земли, первый в мире атомный реактор...

Авторы фильма не стремились поразить зрителя какими-то необычайными ракурсами, из ряда вон выходящими приемами. Они по-настоящему гордились тем, что первая в мире атомная электростанция, первая в мире искусственный спутник Земли, первый в мире атомный реактор...

Авторы фильма не стремились поразить зрителя какими-то необычайными ракурсами, из ряда вон выходящими приемами. Они по-настоящему гордились тем, что первая в мире атомная электростанция, первая в мире искусственный спутник Земли, первый в мире атомный реактор...

Авторы фильма не стремились поразить зрителя какими-то необычайными ракурсами, из ряда вон выходящими приемами. Они по-настоящему гордились тем, что первая в мире атомная электростанция, первая в мире искусственный спутник Земли, первый в мире атомный реактор...

Авторы фильма не стремились поразить зрителя какими-то необычайными ракурсами, из ряда вон выходящими приемами. Они по-настоящему гордились тем, что первая в мире атомная электростанция, первая в мире искусственный спутник Земли, первый в мире атомный реактор...

Авторы фильма не стремились поразить зрителя какими-то необычайными ракурсами, из ряда вон выходящими приемами. Они по-настоящему гордились тем, что первая в мире атомная электростанция, первая в мире искусственный спутник Земли, первый в мире атомный реактор...

Авторы фильма не стремились поразить зрителя какими-то необычайными ракур

(Юношане. Начало на 1-й стр.)

В ЧЕЛОВЕКЕ, ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА...

— Мы, писатели, обязаны вскрыть душевные качества нового человека, отразить их в высокохудожественной форме, — говорит в выступлении Ф. Панферов, которому открылись прения по докладу «Писатель и время». (Это выступление публикуется целиком в сегодняшнем номере нашей газеты.)

— Что такое время в представлении литератора, время для писателя? — спрашивает А. Макаров. И отвечает: — Время — это прежде всего человек, типы людей. Литература передает дух, содержание времени, увековечивая людей.

Счастье советского писателя, что он свободен изображать в искусстве именно те типы, которые имеют решающее значение в современной жизни, за которыми будущее.

Знание жизни есть непременное условие работы писателя. Но оно только знание жизни еще не определяет достоинства произведения. О достоинствах мы судим по широте взглядов, по верности понимания и живости изображения тех явлений, которых писатель коснулся. Это прямо подводит нас к разговору об овладении техникой писательского ремесла. Я беру утверждать, что беды многих литературных произведений, особенно принадлежащих перу молодых писателей, происходит не от незнания жизни, а от отсутствия широты взгляда, верности понимания, от неумения изображать.

Мне кажется, что, когда мы говорим о писателе и времени, мы должны избрать девизом своей работы пушкинские слова:

Служение муз не терпит суеты; Прекрасное должно быть величаво. Величав путь, пройденный советским народом. Величав его созидательный подвиг. Наши задачи — сделать это величавое прекрасным в искусстве.

ГЕРОИ В ЖИЗНИ ЖДУТ ГЕРОЕВ В ЛИТЕРАТУРЕ

— Повседневная трудовая жизнь вокруг нас наполнена героикой подвига, — говорит Н. Устинович.

Нужно готовиться к подвигу не рождается в душе человека просто так, сама собой. Лишь постоянное воспитание может создать настоящий советский характер. И в этом деле неизмерима роль нашей литературы.

Читатель ждет героя, которому он стал бы подражать. К этим словам Н. Устиновича присоединился О. Кубарев, представитель бригады коммунистического труда с завода имени Владимира Ильича. Он говорил о своих друзьях, о том, как в бригадах коммунистического труда идет борьба за новых людей. Может быть, слово «борьба» покажется кому-то громким, но это именно так! — сказал О. Кубарев.

Нам нужны такие книги, в которых мы бы не только узнавали себя в сегодняшнем дне, но и видели, какими будем в завтрашнем дне. О том, что вы знаете такие книги, мы не сомневаемся. Но только нам очень хочется, чтобы они появились как можно скорее.

— Я вижу, — рассказывал Н. Шундик, — как Первого Мая рязанские строители несут макет своего завода, а как они строили этот завод — я не знаю. И я задаю себе вопрос: не пишем ли мы своего героя только тогда, когда он идет на парад? Ведь для писателя жизнь — это прежде всего его герой, а нас порой любовь к герою идет лишь от головы. Важно же не только накопление фактов, важно и накопление чувств. И необходимо, чтобы люди, которые станут героями наших книг, любили нас взаимной любовью. Только тогда человек раскроет перед тобой душу.

БЕЗ ПОДПОРОК

Все основные проблемы литературного развития, которые затрагивались выступавшими, касались и национальных литератур.

А. Кешоков, в частности, говорил о том, что в настоящее время развитие национальных литератур отмечено в первую очередь бурным ростом поэмы. Молодые самцы стали взрослыми деревьями и нет больше нужды в подпорках, потому что они успели глубоко пустить корни.

Национальным писателям, — отмечает А. Кешоков, — надо больше обращаться к темам современности, а не черпать материал только из далекого прошлого. Но, конечно, дело не только в тематике. Иной писатель, автор исторического романа — сумеет охватить целую эпоху, и о нем хочется сказать: вот писатель, вот время! А есть произведения о современности, прочитаешь и восклицаешь: это писатель ва время!

Ратня за повышение требовательности к национальным литературам. А. Кешоков резко протестует против того, что некоторые центральные издательства нередко печатают книги по принципу представительства, не считаясь с их качеством.

Эту мысль А. Кешокова поддержал Г. Баширов, иронизировавший по поводу тех писателей, которые, оправдываясь, заявляют, что, дескать, пишут для перевода, а только для своего народа.

У нас нет особой меры для национальной и русской литературы. Где бы мы ни прожигали, к какой бы национальности ни принадлежали, мы все пишем для советского народа.

— На всероссийском пленуме, который происходит сейчас, — сказал А. Тимохин, — мне бы хотелось больше слышать о процессах, которые происходят

в литературе национальных республик и областей. Мы внимательно следим за тем, что происходит в Москве, но часто идем не в ногу, отстаем. А бывает, что кое в чем идем впереди, потому что людям к лицу стоим к тем бурным преобразованиям, которые совершаются на наших окраинах. В свое время еще Оргкомитет Союза писателей РСФСР энергично взялся за изучение и обобщение литературных процессов в национальных областях и республиках. Сегодня хотелось бы шире видеть результаты этого изучения.

— На недавнем заседании редсовета журнала «Дружба народов», на котором я присутствовал, — сказал Э. Грин, — товарищи из Татарии и Якутии говорили, что писатели их республик могли бы дать материал на несколько номеров журнала. Это можно слышать на всех общесоюзных съездах и пленумах. Журнал «Дружба народов» — единственный на весь Союз. А ведь не давая национальным писателям выхода на всеобщую арену — это все равно, что оставить рассадку в парнике, не выпуская ее оттуда под настоящее солнце, на открытый воздух.

Может быть, пришло время, чтобы хотя бы в Российской Федерации создать журнал наподобие «Дружбы народов», в котором бы печатались произведения писателей национальных республик?

ДОРОГУ ОЧЕРКУ!

— Говоря о произведениях очеркового жанра, — замечает Г. Радов, — докладчик ограничился лишь перечнем фамилий. А между тем, оценивая прозу этих лет, стоило бы внимательно взглянуть в очерк или, точнее, туда, где очерк смыкается с «соседами по жанру», потому что именно здесь происходит сейчас один из интереснейших процессов в литературе. Этот процесс уже отмечен выходом в свет, почти одновременно, таких разных, но чем-то очень близких друг другу, безупречно новаторских произведений, как «Дневные звезды» О. Берггольц, «Капля росы» В. Солоухина, «Деревенский дневник» Е. Дороша, «Свет от людей» П. Ребрин, повесть «Большой старт» А. Аграновского. Произведения эти родились на самой быстрой литературе и имеют прямое отношение к предмету сегодняшней дискуссии «Писатель и время». И это не удивительно, потому что очерк по самой природе своей стоит ближе всего к действительности.

Крупный художественный успех ряда книг, построенных на документальной основе, представляет большой теоретический интерес. Они вновь подтверждают, что документальность никак не может мешать художественности. Однако в нашей критике до сих пор еще бытует противопоставление документальности и художественности. Чего стоят, например, странные рассуждения Г. Марджина в одном из последних номеров газеты «Литература и жизнь». В разговоре об очерке автор статьи употребляет слово «художественность» и, значит, как и раньше, он пугает в художественном очертании пейзажи, портреты, лирические отступления. Образность, композиция, детализация портрета и пейзажа, лексика он называет «служебными вещами». Дальше, как говорят, идти некуда!

Г. Радов критикует также статьи Г. Марджина и М. Никулина в газете «Литература и жизнь» за их грубые, а местами и прямо оскорбительный тон по отношению к товарищам по литературному делу.

Неужели мы станем менее принципиальными, если откажемся от непоследовательно грубого тона по адресу своих литературных оппонентов? — спрашивает оратор.

Мысли о документальном очерке, высказанные Г. Радовым, горячо поддержал О. Писаревский.

Лучшие документальные повести последнего времени, — отмечает он, — важны не только тем, что они сказали новое, свежее слово, но и тем, что в них присутствует высокая интеллектуальная атмосфера нашей жизни.

Оратор говорит о насущном требовании современности — отобразить в литературе подвиг отечественной науки, об острой нехватке «тонких» литературно-художественных журналов, которые являются важным рычагом для воспитания читателей, воспитания молодых литераторов, для развития публицистики, современного очерка.

БОЛЬШОЙ СЧЕТ, БОЛЬШИЕ ОРИЕНТИРЫ

— Главный вопрос, которым мы должны заниматься, — сказал в своем выступлении С. Антонов, — каким образом литература и искусство могут помочь в ускорении процесса воспитания коммунистического характера.

Неверно говорить, что задача искусства — только подтверждение действительности. Это утратившая литературу роль.

Писатель своей работой, всем, что есть в его уме и сердце, хочет, как сказать, сотворить читателя по образу и подобию своему. Это колоссальная ответственность, и тут невозможно всю роль литературы сводить к прямому копированию жизни.

Совершенно неправильно считать, что если автор что-то изображал, то читатели или зрители будут поступать именно так, как изображено. В кино иной раз вырезают кадры, где изображена выпивка или драка, — словно, увидев это, зрители станут пьяницами или хулиганами.

Это — выражение недоверия к советскому человеку, самому передовому в мире, строителю коммунизма. Это — недоверие к писателю.

— Я очень рад, — продолжал С. Антонов, — тому, что написал Твардовский в последних главах «За далью».

Мы еще не поняли, насколько это важно, — ведь всех нас поэма должна заставить писать иначе.

Те, кто целью литературы и искусства считает только возможно более точное и верное копирование жизни, должны прийти, если они будут логичными, к натурализму и объективизму. Мы же боремся за партийность, тенденциозное искусство. Советская роль литератора к роли беспристрастного свидетеля и писателя, нейтрального и аморфного наблюдателя — это значит нанести оскорбление его человеческому достоинству, — сказал Барбос.

— Когда я говорю о том, — замечает С. Антонов, — как ощущается душа писателя в его книге, я хочу особо отметить один момент, связанный с этим делом, — это вопрос о форме.

Борьба с формализмом не слита с повесткой дня. Она будет приобретать все новые формы. Но нельзя сводить ее к борьбе с формой. А это уже было бы выступлением против индивидуальности художника, против его партийности.

Есть две стороны в вопросе о формализме. Некоторые западные писатели занимаются просто формальным шуткарством. А есть и такие, что проповедуют отказ от «хорошего стиля». Один американский писатель пишет: «Я ненавижу «изысканную литературу», «риторику», «хороший английский язык» — вздор. Кому нужен хороший стиль? Болтайте и пошлите ваш стиль к черту. Нам не надо литературы, нам нужна жизнь». Это — другая крайность формализма. Так, отсюда твердые убеждения приводят либо к шуткарству, либо к бесформности, а она является оборотной стороной той же медали.

Выступавший после Антонова В. Шкловский ярко и темпераментно говорил о роли искусства в коммунистическом воспитании.

— Офелия у Шекспира говорит: мы знаем, кто мы такие, но не знаем, чем можем стать. Искусство показывает человеку, чем он может стать.

Мы создаем человеческую душу для поэта. Это большая ответственность. И надо знать, что сказать. Надо знать, для чего сказать, когда сказать. Это наш мастерство.

— Сейчас уже не надо доказывать необходимость поворота к современности, — сказал Г. Березко. — Этот поворот произошел по всему фронту советской литературы. Сегодня естественно говорить о том, как мы пишем о современности, о нашем мастерстве. Нельзя представлять себе мастерство как сумму технологических приемов, существующих автономно, вне истории, не меняющихся во времени. Зная законы механики, можно построить машину, но зная только законы композиции, романа не напишешь. Настоящее мастерство — это прежде всего умение видеть жизнь, умение слушать и понимать ее. И надо затем то, что ты увидел, изобразить так, чтобы и читатель увидел этот твой мир твоими глазами, чтобы он взволновался твоим волнением.

Продолжая этот разговор, В. Огнев сказал:

— Писатель и время — это прежде всего: как писатель выражает время. Но это также и то, что остается от писателя во времени.

Некоторые писатели, выступая против «обоймы», забывают об истинных критериях, больших ориентирах. А ведь для того, чтобы выдержать суровый суд времени, надо укреплять «курсы» качества. И не случайно Шолохов, Федин, Твардовский с высокими трибун год за годом ставят этот вопрос. Не случайно Н. С. Хрущев недавно подчеркнуто, выступая в Вешенской, первостепенное значение качества художественной литературы.

Давайте учиться у мастеров! Надо быть более ответственными за свой труд и не прощать брака в производстве духовных ценностей.

В прениях приняли также участие В. Перцов, Г. Бровман, Н. Панов, А. Коптелов, М. Шкляр, Д. Стариков, Т. Семухин, Т. Медведский, С. Арсанов, А. Исбах, Г. Кунгуров, Д. Нагишкин, Т. Трифонова, Ю. Герман.

В своем заключительном выступлении Л. Соболев сказал: современная тема органически вошла в такое сложное психологическое явление, каким является взаимоотношение писателя с эпохой. Это пленум доказал с полной очевидностью.

Сейчас, после XXI съезда КПСС, наша литература стала поворачиваться к великой коммунистической теме. Литература Российской Федерации повернулась на новый курс. Назад дороги уже быть не может. И если на нашем большом корабле есть еще «пассажиры», то им должно быть стыдно. Можно плавать пассажиром на пассажирском корабле, а не на траулере, или лесозавозе, или военном корабле. На таких кораблях надо быть в составе команды.

Отметив, что пленум прошел на высоком уровне и велся на принципиальной основе, Л. Соболев сказал:

— Думаю, что следующий пленум будет оперировать еще большим количеством произведений, а главное — произведениями более высокого качества, того мастерства, о котором мы как будто договорились. Выступления в эти дни были серьезные, очень литературские, вдумчивые, откровенные, по-хозяйски заботливые.

По традиции мы завершаем наш пленум, так же как это сделали в Нахичеве, Хабаровске, Свердловске, Ленинграде и ряде других мест, тем, что сегодня вышли к рабочему классу Москвы.

Нельзя не отметить символического выхода писателей с нашего пленума на заводы. Хорошо, если так же мы перейдем к нашим рабочим местам — к столам, чтобы создать новые произведения, выражающие дух нашего времени.

Я поздравляю вас с началом творческого года писателей — с началом нового периода. Я надеюсь, что летом мы особенно много будем работать, чтобы вновь встретиться осенью и поговорить на следующем пленуме о новых вещах, утверждая то новое высокое качество, которое будет в этих произведениях.

Недавно, во время моей поездки по Северному Кавказу, меня прихватила болезнь и мне пришлось задержаться в санатории «Дасточка», расположенном почти на макушке Мамука, когда-то так прекрасно воспетого Лермонтовым. Ну, вы великолепно знаете, что когда попадаешь в места, где когда-то пребывали наши великие предшественники, то неудержимо хочется порадоваться той красоте, какой радовались они и которую они воспевали в своих бессмертных творениях.

Когда я перечитал Лермонтова, мне страшно, до боли в сердце, захотелось увидеть Кавказский хребт, но здесь из дня в день висели густые, точно серая вата, туманы, закрывая не только далекий Кавказский хребт, но и Пятигорск, расположенный у подножия Мамука. И вот однажды в рань утра меня разбудила наяника:

— Федор Иванович, вставайте: красота какая!

Я вышел на балкон и был буквально поражен величием Кавказского хребта: вправо развостанной вершины упирались в небо, как бы поддерживая его, гордый Эльбрус, слева далеко не менее горно высились Казбек. А около них, рядом с ними, скрепляли их и словно подпирала плечами, выдвигались большие и малые горы. Все это величавое было залито сверкающим солнцем и звало к себе.

У меня невольно мелькнула мысль:

— Вот такой же величавый литературный Кавказский хребт заложили мы, ныне живущие советские писатели, и завершат его строители нашей страны. Но ведь красота Кавказского хребта складывается не только из Эльбруса и Казбека. Попробую мысленно убрать от Казбека и Эльбруса все остальные горы и горки, и тогда увидим, как нарушится, уничтожится все величие Кавказского хребта. А сейчас я представляю себе, что Эльбрус — это Максим Горький, Казбек — Михаил Шолохов или Алексей Толстой, а рядом и вокруг, что и составляет вместе с Эльбрусом и Казбеком красоту литературного Кавказского хребта, — Фелины, Эренбург, Серафимович, Фадеев, Паустовские, Леоновы, Катавы, Поголины, Корнейчук, Чукские, Пришвины, Маршак, Антокольские, Прокофьевы, Рыльские, Твардовские, Тычины, Бровки, Ауэзовы, Мухомовы и их поколения, лучше, чем за нами, — Арбузовы, Казакиевы, Кочетовы, Рашидовы, Полыевы, Коженинко, Грибаевы, Мальцевы, Марковы, Бубеновы, Перевцевы, Бабаевские, Луконыны, Гончары, Закуратины, Салыские, Шейнины, Софоновы и такие поэты, как Сергей Васильев, Турсун-заде, Гулям и их сверстницы Вера Панова, Галина Николаева, а за ними идут такие замечательные писатели и поэты молодого поколения, как Василий Федоров, Сергей Визулов, Евгений Евтушенко, сибиряк Кубышкин и многие, многие другие, вплоть до талантливого, но еще смотрящего на мир одним глазом, Казакова, не говоря уже о таких чудесных писателях, как Бондарев, Бакланов, Александр Андреев, ленинградец Николай Деметров или Шеголихи из Казахстана.

Вот почему я считаю (может, ошибаюсь), что вредно для роста советской литературы выделять, подчеркивать выделять только вершины, только Эльбрус и Казбек, а в адрес остальных откусывать грубые, презрительные словечки. По Эльбрусу и Казбеку надо равняться, однако помнить, что новая литературная жила всегда разрабатывается широким потоком писателей, тем более закономерно советская литературная жила разрабатывается широченным потоком писателей.

Я говорю о писателях, а не о тех, кто в Союзе писателей прилепился, как прилепился ракушка к днищу океанского корабля. Во всем писателем (независимо от зарплата: у одного оно может быть больше, у другого меньше) мы обязаны относиться бережно, требовательно — к художественному мастерству. Эту требовательность мы должны предъявлять к каждому и подчас к «Казбекам». Помогать писателю в его творчестве теплым, разумным словом, а не обдавать его по пустякам на каждом перекрестке, как это недавно делал, казалось, такой умный критик, как Друзин.

В теплом, дружественном слове мы нуждаемся все, дорогие мои друзья, в том числе и мы — старшее поколение. Этому человеческому правилу мы обязаны следовать, не только выступая на трибуне, но и проводя в жизнь, особенно ныне, когда пленум писателей Российской Федерации довольно энергично поворачивается в сторону современности.

Я уверен, что пленум писателей Российской Федерации не для «птички» поставил на повестку дня такой животрепещущий вопрос, как современность и участие в ней советских писателей. Тема эта широкая, пожалуй, необъятная, как Великий океан. Наши народы строят необычайную в истории человечества жизнь. Строят не с той легкостью, как кажется иным краемлицам от литературы. Нет. Коммунизм строится и стро-

ится, и это — старшее поколение, и это — новое поколение, и это — будущее.

Этому человеческому правилу мы обязаны следовать, не только выступая на трибуне, но и проводя в жизнь, особенно ныне, когда пленум писателей Российской Федерации довольно энергично поворачивается в сторону современности.

Я уверен, что пленум писателей Российской Федерации не для «птички» поставил на повестку дня такой животрепещущий вопрос, как современность и участие в ней советских писателей. Тема эта широкая, пожалуй, необъятная, как Великий океан. Наши народы строят необычайную в истории человечества жизнь. Строят не с той легкостью, как кажется иным краемлицам от литературы. Нет. Коммунизм строится и стро-

ится, и это — старшее поколение, и это — новое поколение, и это — будущее.

Выступление на объединенном пленуме правлений Союза писателей РСФСР и Московского отделения Союза писателей РСФСР.

ВЕЛИКИЙ ОКЕАН СОВРЕМЕННОСТИ

Федор ПАНФЕРОВ

Итак, хотя порою с великими трудностями. Но строится. Строится не деревенщиной человеком, а человеком новых моральных качеств, порожденным социалистическими производственными отношениями, всем социалистическим строем. Это новый человек. И мы, писатели, обязаны вскрыть его душевные качества, отразить их в высокохудожественной форме и помочь советскому человеку уразуметь себя, уяснить пути движения в коммунистическое общество. Вот что требуют от нас партия и наш героический народ. И правильно требуют. И правильно мы поступим, если в высокохудожественной форме, правильно и во весь голос ответим своим творчеством на это великое требование. Но ответить во весь голос, правильно, как нам известно, не так-то уж легко: надо быть твердым, устойчивым, подчас дерзновенным, надо многое знать и не быть одиозным. Я считаю, да и вы тоже, что любители розовых красок — люди одиозные, как и те, кто походит на воробья: воробью ведь неважно, какую тяжелую кладь везет конь...

СПОР В КАННЕ

УЖЕ прошло более половины тех семидесяти часов, которые, как подсчитали журналисты, необходимы, чтобы просмотреть тридцать с лишним фильмов, представленных на XIII международный фестиваль в Канне.

Шумная фестивальная жизнь движется своим чередом. В залах Дворца кино идут официальные просмотры; де-юре фестивалю присваивают статус «фестиваль» и устраивают приемы и банкеты. Репортеры скандальной хроники подсчитывают количество разбитых на банкетах рюмок, а когда сенсационных эпизодов нет, — создают их сами.

Но за всеи этой обиходной фестивальной шумихой с каждым днем все отчетливее вырисовываются различные тенденции современного мирового кино.

Кризис мысли, кризис тем — вот что, как показывает Каннский фестиваль, характеризует сегодня реакционный буржуазный кинематограф.

Перед открытием фестиваля был показан вне конкурса американский боевик «Бен-Гур». Реклама упоенно называла огромные цифры: семь километров кинолент, три тысячи статистов и пятнадцать миллионов долларов, истраченных на постановку этого «самого дорогого в истории кино» произведения. А результат? Весьма точно сформулировал общее впечатление от этого фильма критик буржуазной французской газеты «Монд» Жан де Баронселли: «Мы так далеки от того кино, которое любим и в которое верим... Это тревожащий вопль Голливуда... который чувствует, что зритель отворачивается от него».

Беспособность, отчаянное стремление во что бы то ни стало удержать зрителя, которому надоела пышность дорогих постановочных зрелищ, лишенных какой-либо серьезной мысли, ощущается и в многочисленных попытках эпатировать зрителя различного рода эротическими «специями». В этом смысле весьма показательна картина из французского буржуазного еженедельника «Карфур», в которой предлагается, для вышей достоверности, демонстрировать некоторые фильмы не на экране, а на подвешенной к этой цели душной постели. Действительные «постельные сюжеты» заняли в Канне весьма большое место. Прогнозы корреспондентов, писавших, что нынешний фестиваль будет «самым смелым в истории Канна», оказались пророческими. Весьма характерным для фильмов этого рода явилась японская картина «Странное наваждение», посвященная «животрепещущей теме» отношения дряхлого супруга со своей молодой женой. Как не без сарказма заметил критик «Монд», «отчаяние супруга можно понять, но гораздо труднее понять, почему этот фильм показывают в Канне». Подобное недоумение высказывает, к сожалению, не только японский фильм, но и бельгийская картина «Если ветер пугает тебя...» и норвежский фильм «Охота».

Но примечательно, что по мнению многих корреспондентов, представляющих самые различные круги прессы, фильмы этого плана не вызвали даже ожидаемой скандальной сенсации, а лишь весьма равнодушную, а порой и безразличную реакцию большинства зрителей. Точно так же провалились на фестивале гоминдановский фильм «Волшебная тень», охарактеризованный корреспондентом «Юманите» Самюэлем Ланжом как «посредственная вещь, лишённая души», или откровенно обскурантистский аргентинский фильм «Протестия», направленный против «марксистов и вообще всех атеистов».

Не следует думать, конечно, что все фильмы капиталистических стран, представленные на фестивале, идут в русле этих реакционных течений. XIII фестиваль в Канне ясно показал, что прогрессивный кинематограф успешно отстаивает свои позиции и привлекает на свою сторону широкое общественное мнение. Большое место на фестивале заняли фильмы, посвященные борьбе с расизмом, с человеческими преступлениями. Это и мексиканская картина режиссера Луиса Бюноля «Молодая девушка», явившаяся, как пишет критик «Либерасон», обвинением против расовой дискриминации, дисмерной буржуазной морали. Это и датский фильм «Пав — мальчик между двумя мирами». Это и антивоенный фильм «Морамон», снятый французским режиссером Жан-Клод Боннардо в Южной Народной-Демократической Республике, и запрещенный французской цензурой.

Критические реалистические тенденции единодушно отмечают прогрессивная печать в короткометражном французском фильме «Дети сквизняка», а

Ну, я, кажется, расписался. Простите меня. Но мне так захотелось поговорить с вами. Вот мне хочется поделиться с вами мыслями еще по одному вопросу и этим закончить свое длинное письмо.

Нас, работников журнала «Октябрь», не раз спрашивали прыткие «критики», даже иные наивные руководители Союза писателей:

— Что вы делаете. Печатаете романы Бубенова, Шолохова, Конавалова, а рядом с этим Паустовского, Казакова, Евтушенко. Это же не консолидация, а беспринципность, христианское всепрощение. Какова ваша программа?

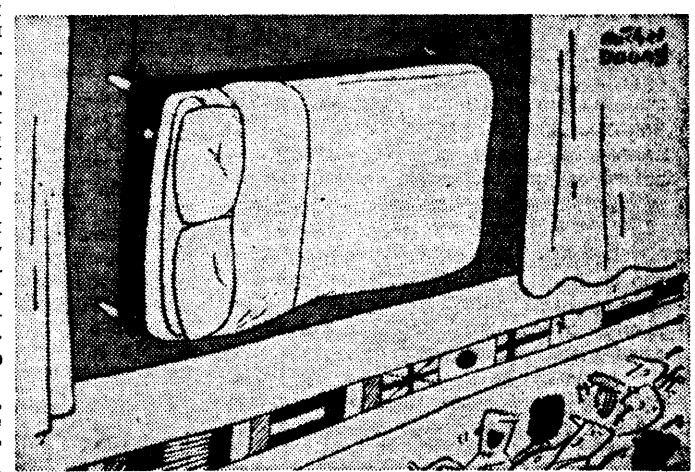
Какова программа журнала «Октябрь», а уже сказал выше. А по вопросу о консолидации отвечаю так:

— Помогите всем писательским слоям работать вместе с партией, с народом, то есть строить коммунистическое общество, не приращивая писателей в полк солдат в одинаковых шинелях, а зовите их на творчество во имя нынешней и грядущей жизни, и пусть каждый говорит своим голосом, лишь бы это было на пользу советскому народу и всем честным людям земного шара, — в этом истинный смысл дополнительной консолидации.

Желаю вам творческих успехов, дорогие мои товарищи.

испанском фильме «Хулиганы» и, наконец, в картине итальянского режиссера Федерико Феллини «Сладкая жизнь», явившейся одним из самых заметных событий фестиваля.

Это, по мнению большинства критиков, талантливое, сильное произведение, рисующее загнивание, упадок высшего общества, в то же время поражающее своей безысходностью. Сам Феллини

Карикатура из французского еженедельника «Карфур».

сказал в беседе с журналистами: «Я хотел создать фильм, который давал бы людям мужество. А это возможно только при условии, если вы смотрите правду в глаза». Но, как замечает корреспондент «Юманите» Пьер Южен, этот фильм — «долгий вопль отчаяния», и если Феллини и не стремился показать безысходность жизни, то, независимо от его воли, «сюжет подавал его».

Именно ясная, четкая жизненная позиция, вера в светлые качества человека привлекают в фильмах, представленных на фестивале странами социализма. Эти качества отмечает критика и в болгарском фильме молодого режиссера Р. Валчанова «Первый урок», и в советском фильме «Баллада о солдате».

«Баллада о солдате», показанная 7 мая, оказалась и до сих пор остается центральным событием Каннского фестиваля. Французская печать, восторженно встретившая эту картину, пишет о ней, «как о чистом шедевре, полном истинного лиризма и потрясающей красоты» («Парижский либер», как «о трагедии и простом фильме, проникнутом любовью» («Франс-суар»), как о «прекрасном песне» («Пари-жур»).

В чем причина этого огромного и несомненного успеха? Одну из них довольно точно определил обозреватель «Монд». «Чего вы хотите, — меланхолично заметил он, — время от времени приятно встретить на экране людей здоровых, нормальных. «Баллада о солдате» воспекает все самое лучшее в человеке».

И еще одна весьма примечательная признания — критик реакционной, известной своими нападениями на Советский Союз французской газеты «Орор» написал о «Балладе о солдате» следующее: «Все, что в течение десяти лет мы видели на экране, отошло в прошлое. Русские показали шедевр. Я искренне полагаю, что никогда еще мне не приходилось видеть более трогательного, более патетического, более умного облика глупости и чудовищности войны».

«Баллада о солдате» ведет спор с произведениями, воспевавшими необходимость и оправданность жестокости. Она, так же как и «Судьба человека», завоевывает сегодня сердца миллионов людей своей правдой и гуманизмом.

Пленум правления Союза писателей Казахстана

Недавно в Алма-Ате состоялся пленум правления Союза писателей Казахстана, посвященный вопросам развития казахской советской драматургии.

Участники пленума заслушали доклад секретаря правления Союза писателей республики А. Таннибаева и секретаря кинодраматургии, с которым выступил директор студии «Казахфильм» К. Сиранов. В обсуждении приняли участие Д. Еркин, беков, З. Шашикин, А. Абишев, М. Каратаев, первый секретарь правления Союза писателей Казахстана Г. Мусрепов, критик Е. Сагындыков, заместитель министра культуры Казахстана Л. Галимжанова, председатель республиканского комитета по радиофикации и телевидению К. Сагындыков, секретарь алма-атинских театров К. Димандарбеков и А. Лакин, молодые литераторы К. Куандыков и К. Тогжанов.

О работе недавно открытой казахской телестудии говорил главный редактор студии И. Омиев. Проблемы развития русской драматургии в Казахстане было посвящено выступление Н. Аюпова. И. Бактияр в своем выступлении охарактеризовал работу республиканского унгрского театра и творчество унгрских писателей.

На пленуме выступил секретарь правления Союза писателей СССР А. Салымский.

В работе пленума принял участие секретарь ЦК Компартии Казахстана тов. Н. Димандильдин.

АЛМА-АТА. (Наш корр.)

ПЕРЕД
СОВЕЩАНИЕМ
В ПАРИЖЕ

НАДЕЖДЫ И ОЖИДАНИЯ

АНГЛИЙСКИЙ народ отлично понимает, что могущественные силы на Западе создают различные препятствия с целью помешать достижению соглашения на совещании глав правительств четырех держав, которое в ближайшие дни откроется в Париже.

Но в то же время и многочисленные массы, требующие разоружения и мирного сосуществования, более чем когда-либо раньше создают свою мощь. Недавний поход английских сторонников ядерного разоружения на Олдермостон в Лондон, который завершился гигантским митингом на Трафальгарской площади, показал, какими эффективными действиями может подкреплять свои требования народ, сплотившийся в борьбе за мир. Проводимая в стране кампания за отправку делегаций в Париж в дни совещания на высшем уровне находит широкую поддержку во всех слоях общества. Рабочие члены профсоюзов и лейбористской партии требуют от их лидеров пересмотра осуществляемой ими политики — политики поддержки блоков, созданных для ведения «холодной войны» и гонки ядерных вооружений.

Таким образом, г-н Макмиллан и его советники прибывают на совещание, отчетливо сознавая, что наш народ жаждет, чтобы Англия проявила инициативу и добилась хотя бы ограниченных соглашений.

Ни у кого в Англии не встречают поддержки действия американцев, которые стремятся воспрепятствовать заключению соглашения о прекращении испытаний ядерного оружия. И если совещание в верхах не устранил трудностей, которые мешают урегулированию вопроса об испытаниях, то это вызовет горечь и гнев.

Очень изменилась позиция англичан и в вопросе о разоружении. Народ больше не довольствуется теми доводами, которыми западные державы пытаются оправдать отсутствие всяких сдвигов в обсуждении этой проблемы. В Англии широко освещались поездки г-на Хрущева в США, Францию, страны Юго-Восточной Азии. Благодаря телевидению десятки миллионов людей смогли ближе познакомиться с ним и пришли к выводу, что Хрущев действительно хочет мира и всеобщего и полного разоружения. Теперь противникам советских предложений становится все труднее и труднее оправдывать свою позицию. Отметим также, что такой авторитетный человек, как лауреат Нобелевской премии мира Филипп Ноэль-Бейкер, недвусмысленно заявил, что если дело разоружения не двинется с мертвой точки, то повинны в этом прежде всего западные страны, а не социалистические государства.

Что касается германского вопроса, то на общественное мнение очень повлияли обнародованные в начале нынешнего года факты, которые свидетельствуют о господствующем положении бывших нацистов в ФРГ. Сейчас большинство английского народа, без сомнения, согласно с тем, что вооружение Западной Германии было серьезной ошибкой. Планы создания в Англии западногерманских военных баз вызвали необычайно резкий протест.

К сожалению, далеко не все у нас в Англии сознают, какое большое значение имеет для ситуации в Европе политика мира, дружбы и сосуществования, проводимая Германской Демократической Республикой. Не всем ясно и положение в Берлине. Крайне необход-

Гордон ШАФФЕР,
английский публицист

димое разъяснять широким кругам данный вопрос. Но этому, в частности, препятствует молчаливый сговор между правыми лидерами западногерманских социал-демократов и английской лейбористской партии — они стремятся помешать установлению контактов между массовыми рабочими организациями Англии и ГДР. Как бы то ни было, преграды постепенно рушатся, и г-ну Макмиллану трудно будет капитализировать перед Алензауром, который всерьез пытается сорвать совещание в верхах.

Другое требование, которое все настойчивее и громче выдвигает английская общественность, заключается в том, чтобы устранить всевозможные барьеры в торговле с социалистическими странами. Особенно энергично этого требуют представители деловых кругов. Они видят в расширении торговли с социалистическим миром единственный ответ на угрозу со стороны поддерживаемого Соединенными Штатами «общего рынка», где господствует Западная Германия. Общественность, несомненно, доведет до сознания г-на Макмиллана тот факт, что ослабление международной напряженности — необходимое условие для расширения торговли.

Такое настроение английского народа в канун совещания глав правительств. Всякая искренняя попытка стать на путь разоружения и сосуществования, несомненно, найдет в Англии широкую поддержку. Однако, разумеется, успешный исход совещания нельзя считать обеспеченным или хотя бы вполне вероятным. Можно сказать лишь одно: общественность с прежней настойчивостью будет добиваться проведения ряда подобных совещаний, пока, наконец, соглашение не будет достигнуто.

Характерно, что бывшие поборники «холодной войны» не решаются сейчас открыто провозгласить неудачный исход совещания, хотя и ссылаются на берлинский вопрос, как на возможную причину возникновения тушины.

Приведу высказывания трех членов парламента — лейбористов, ибо их слова отражают мнение прогрессивной общественности Англии.

Конни Зиллаккус: Я возлагаю на совещание лишь умеренные надежды. Соединенные Штаты не будут принимать важных решений по международным вопросам до тех пор, пока не вступит в должность новый президент, то есть до будущего года. Всякая внешнеполитическая проблема в настоящий момент трактуется в Соединенных Штатах с точки зрения предстоящих президентских выборов. Западные державы предостерегают следующую дилемму: с одной стороны, их политика ядерных вооружений потерпела крах, Советский Союз обогнал их в отношении военной мощи, а разоружение поставит перед ними политические и экономические трудности, которых они опасаются; с другой стороны, они боятся взять на себя ответственность перед своими народами, отказавшись поддержать меры, направленные на укрепление всеобщего мира. Таким образом, с моей точки зрения, самое большее, на что можно надеяться, — это соглашение о прекращении ядерных испытаний и временное урегулирование берлин-

ского вопроса; самое меньшее — соглашение изложить все проблемы и примет решение об организации дальнейших встреч.

Сидней Силверман: Я всей душой надеюсь, что будет достигнуто соглашение о прекращении испытаний ядерного оружия. Западу будет трудно настаивать на проведении дальнейших испытаний наперекор мировому общественному мнению. Что касается германской проблемы, то я полагаю, что участники совещания в верхах будут вынуждены признать реальные факты нынешней ситуации. Существуют две германские республики — и ту, и другую следует признать в одинаковой степени. Как только это будет сделано, станут возможны и дальнейшие сдвиги. Самая важная особенность совещания в верхах заключается в том, что оно создано в результате нажима со стороны общественности. Другими словами, его созыв означает победу принципа, согласно которому разногласия следует обсуждать и устранять с помощью переговоров.

Гарольд Дэвис: Не следует вызывать у людей чрезмерные надежды, так как реакционеры постараются использовать всякий промах нынешнего совещания, чтобы воспрепятствовать созыву подобных совещаний в будущем. Поэтому я прежде всего надеюсь на соглашение относительно регулярного созыва совещаний на высшем уровне, которые будут обсуждать спорные вопросы взаимоотношений между капиталистическими и социалистическими странами. Иными словами, я надеюсь, что будет выработана некая формула сосуществования. На мой взгляд, лучше сто лет совещаний, нежели сто секунд ядерной войны. Мне хотелось бы, чтобы совещание привело к реалистическому подходу к германской проблеме. А первым шагом в этом направлении должно быть признание Германской Демократической Республики и ее участие в переговорах, которые будут проведены в результате совещания в верхах. Г-н Макмиллан должен решительно выступить против осаннения Западной Германии ядерным оружием, ибо такой курс чрезвычайно затруднит достижение соглашения. Главы государств должны также оценить реальную обстановку на Дальнем Востоке: в конце концов им придется дать согласие на то, чтобы народный Китай с его 600-миллионным населением занял полагающееся ему по праву место на совещаниях великих держав.

лондон, май

— Алло, алло! «У-2» вызывает базу. Подтверждаю эффективность советских ракетных снарядов. Конец передачи.

Рисунок художника Кановы из итальянской газеты «Унита».

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ В ПЕНТАГОНЕ: оклеветается густая облачность и образование туманов над Вашингтоном, подавленное настроение и нарастающая головная боль в высших слоях.

Над Советским Союзом погода ясная и совершенно неблагоприятная для ведения «холодной войны».

ЭТИКА КАПИТАЛИЗМА

Карл МАРЗАНИ,
американский писатель

РАЗОБЛАЧЕНИЕ советским премьером Н. С. Хрущевым опасных и наглых провокаций американских милитаристов повергло правящую клику Америки в крайнее смущение. Несколько дней воротилы США крутились, как пугачи, которыми отрубили головы, выступили с противоречивыми заявлениями, тщетно пытались найти какое-нибудь оправдание тому, что оправдать невозможно. Так, например, официальный представитель компании «Локхид Эйркрафт корпорейшн» заявил, что советский снимок обломков американского самолета не более как фальшивая и судя по фотографии, разбитая машина не была самолетом «Локхид У-2». И это несмотря на то, что государственный департамент абсолютно все признал.

После речи государственного секретаря Гертнера позиция, занятая Соединенными Штатами, выглядит следующим образом: вина лежит на Совете, так как они слишком бдительны; они не раскрывают нам своих тайн, поэтому мы вправе поступать как нам заблагорассудится; да и вообще все государства занимаются шпионажем, и единственный наш промах в том, что нас поймали.

Это обычная этика капитализма: неважно, как приобретать деньги, важно их приобрести и не потерять.

Но я с радостью констатирую, что не

все газеты и, конечно, не все американцы соглашаются с этой линией поведения. «Пост-диспетч», издающийся в Сент-Луисе, пишет в редакционной статье: «Легко утверждать, что каждая страна занимается шпионажем и что единственный риск — быть пойманным с поличным. Но воздушная фотосъемка объектов для бомбардировок — это нечто, отличающееся от обычного шпионажа. Именно такого рода действием мы глубоко возмущаемся, если оно применяется в отношении нас. Такого рода действие подходит для военного времени или для ситуации «на грани войны», но в любое другое оно является весьма провокационным».

Профессор института ядерной физики Лео Силард опубликовал в «Нью-Йорк геральд трибюн» гневное письмо-протест в связи с инцидентом с американским самолетом-разведчиком. Силард, один из создателей атомной бомбы, неизменно выступал в защиту «холодной войны». Сейчас, умирая от рака в больнице, он написал это письмо, в котором заявляет, что военные соображения Вашингтона часто берут

верх над соображениями политическими, и резко нападает на правительство США за его изощренную ложь. «Я поверил этой неблуде, — пишет он, — и возмущен тем, что мое правительство обмануло меня».

Известный обозреватель Уолтер Липман, газеты «Нью-Йорк пост», «Нью-Йорк таймс» и некоторые другие издания указывают на опасность того, что какой-нибудь сумасшедший из военных может начать действовать по собственной инициативе. Впервые высказывается трезвое понимание той опасности, что при существующем положении неслучайно может развязаться война. Быть может, именно в этом важнейшее значение происшедшего инцидента. По-видимому, это понимает и «Нью-Йорк таймс», которая пишет: «Напряженность, существующая вдоль важнейших государственных границ, таит в себе невыразимую опасность».

Инцидент со сбывшим американским самолетом-разведчиком вызвал в сознании американцев величайшее потрясение. Больше того, он может оказать влияние на поворотный вектор. Сопротивление США идее разоружения в значительной мере определялось тем, что поджигатели новой войны были в состоянии прибегать к широкодоступной лживой пропаганде, вводящей американский народ в заблуждение. Американцы желают мира, желают его так же глубоко и горячо, как и всякий другой народ. Но они менее осведомлены, чем, скажем, французы, англичане, итальянцы, индусы, не говоря уже о народах социалистических стран. Некоторым американцам уже давно было известно, что подобные акты провокационной разведки осуществляются один за другим. В июне 1952 года один из редакторов журнала «Лук» писал: «Американские самолеты случайно, а то и намеренно прощупывали радиолокационную систему русских». Недели спустя Джозеф Олсон, офицер запаса военно-воздушной разведки, указывал: «Наши самолеты дальнего действия совершали разведывательные полеты вдоль тайфунского побережья». Далее он признавал, что американский самолет военно-морского флота, сбивший над Балтикой, «также выполнял разведывательное задание».

В книге «Мы можем быть друзьями», изданной около десяти лет назад, я разоблачил и резко осудил действия подобного рода. Однако большая часть американцев не знала о них. Пресса, радио, телевидение ничего об этом не сообщали. События последних дней открыли глаза множеству американцев. Теперь они уже не будут относиться с такой доверчивостью к правительству. Больше того, люди начали понимать, что существуют силы, которые не желают мирного сосуществования. В редакционной статье «Нью-Йорк пост» так и говорится: «В Вашингтоне есть люди, которые приветствуют инцидент с самолетом», поскольку он торпедировал совещание в верхах.

Меры, принятые Советским Союзом, в огромной степени укрепили дело мира. Изолировав поджигателей войны в Соединенных Штатах, они оказали значительное влияние на предстоящие президентские выборы. Не хочется подчеркнуть, что эти действия изолировали бывшего президента Трумэна, одного из инициаторов «холодной войны».

В заключение я, как американец, хотел бы поздравить Советский Союз в связи с проявленной им бдительностью. Наглые милитаристы США столь же опасны для нас, американцев, как и для вас, советских людей. Военщина не представляет американский народ, который так же жаждет мира, как и все народы на земном шаре.

Капиталистическое «тлетение» бесцельно. Берлин — столица Германской Демократической Республики — спокоен и уверен. Но нормализация положения в Западном Берлине необходима. В таком виде, в каком он существует сейчас, — это очаг агрессии и милитаризма, аномалия в теле Германской Демократической Республики. Об этом говорят факты...

БЕРЛИН, май

ГЕРТЕРОВО ПРИЗНАНИЕ

Случилось нечто неслыханное.

...Отцы изумили, прославившиеся умелой организацией шпионажа, не менее искусно отрицали какую бы то ни было причастность к их шпионажу, схищавшим с поличным. Наполеон, высоко оценивавший важность шпионажа («военная деятельность — это искусство собирать сведения о враге»), тем не менее глубоко презирал шпионов, и, занимающихся ею людей. Не найти, пожалуй, преступления, которое вызывало бы такое отвращение, как шпионаж. И какой государственный деятель рискует признаться в причастности к шпионажу, если он дорожит своим положением?

Ныне такой государственный деятель нашлся. Им оказался Кристиан Арнхальд Гертнер, государственный секретарь Соединенных Штатов Америки. После неуклюжих и быстро проваливавшихся попыток вывернуться из неприятной истории, в которую он влетел вместе с самолетом «Локхид У-2», г-н Гертнер заявил наглым тоном: да, правительство США (а значит — ведомство Гертнера в первую очередь) проводило, проводит и будет проводить шпионаж против Советского Союза.

Вот это неслыханное в истории международных отношений признание: «В соответствии с законом 1947 года о национальной безопасности президент начал деятельность своего правительства в целях директивы собирать всеми возможными средствами информацию, требующую для защиты Соединенных Штатов и свободного мира от внешнего нападения, и обеспечить им возможность производить эффективные приготовления для своей обороны. На основе этих директив были разработаны и проведены в жизнь программы, которые включали широкое наблюдение с воздуха с помощью невооруженных гражданских самолетов, обычно периферийного характера, но иногда и путем проникновения».

Эти слова — не наивная оплошность случайно прозвучавшего простачка-дипломата. Это единичная похвальная дипломатическая зурба, ради усвоения повадки и морали капиталистического мира. Гертнера не смущает, что общественность всего мира может обвинить его в соучастии в преступлении, которое, скажем, по английским законам карается

смертной казнью или каторжными работами, а по французским — просто смертной казнью, без отсрочки. Он предельно чиничен, он предельно откровенен: да, мы шпионили и будем шпионить!

Чем объяснить эту небывалую похвальбу, от которой способна покраснеть даже бумага, на которой она напечатана? Прежде всего крайним сдвиганием в правых кругах США после того, как переломная версия о «метеорологической» функции самолета-разведчика с неслыханным позором провалилась. Вероятно, к этому присовокупилась та отчаянная решимость игрока, которая овладевает картрижником после крупного проигрыша, когда он в дурацкой надежде на счастье бесбашенно бросает на стол собственные грязные калысоны. А быть может, государственный секретарь США просто решил ознаменовать пребывание на посту неслыханным в истории шагом, чтобы снискать славу пресловутого Герострата!

В самом деле, после Джона Фостера Даллеса, фактически единолично и по своему управлению внешними делами не только Америки, но всего пресловутого «свободного мира», Гертнер выглядел довольно бледной фигурой. Американская печать открыто выражала свое сожаление по этому поводу. Ему определенно чего-то не хватало, чтобы произвести эффект. Теперь такой эффект, без сомнения, произведен. Слова «гертерово признание» могут быть, станут таким же крылатым выражением, как «геростратова слава». А может быть, и не станут. Ибо, принесла сомнительную славу г-ну Гертнеру, они не принесли славы США.

Большинство иностранных комментаторов и обозревателей (например, комментатор японского радио Миками) считает, что «авторитет Соединенных Штатов на международной арене резко упал». Американская газета «Патриотический вестник» пишет, что, более образно: «Парашют, который опущен молодого Франсиса Пуэраса на землю, увлек за собой анис и престиж президента Эйзенхауэра».

Плохи дела у государственного департамента, если нагуганные реакцией мирового общественного мнения правительства Турции, Пакистана, Японии, Нор-

вегии, прежде, с базоговорочной покорностью предоставляли территорию своей страны в качестве базы для бандажских полетов американской авиации, ныне, по словам английской газеты «Дейли мейл», «даже пошатнувшись, что дело проиграно и прекращается».

Наглость Гертнера вызвала необычайное возмущение в самих Соединенных Штатах. Член палаты представителей Б. Джонсон заявил: «Я опечален, что имеются официальные лица, которые в час, предшествующий международному совещанию глав правительств, пытаются оправдать и простить провокационные акты, угрожающие жизни сотен миллионов людей во всем мире». Конгрессмен Ч. Вэнк потребовал привлечения к ответственности тех, кто повинен в этой «грубой ошибке». Редактор журнала «Сатердай ревью» Норман Казинс осуждает шпионский полет.

Пытаясь найти адекватность «смелости» своего шефа, сотрудники госдепартамента начали сейчас рыться в юридической литературе. Они обнаружили, например, что в учебнике международного права сказано, будто посылка шпионов «не считается морально, политически и юридически неправильной». Но, к их конфузу, оказалось, что дальше тот же учебник говорит: «Шпион не может юридически оправдать свои действия, утверждая, что он лишь выполняет приказы своего правительства, и последнее никогда не вмешивается, поскольку оно не может официально признаться в том, что заслало шпиона». То, что известно студентам, г-н Гертнер не изучал...

Советские люди хотели бы недвусмысленно предупредить американских руководителей: будьте искренни! Не держите камня за пазухой, не подглядывайте в дверные щели, иначе рискуете набить себе шишки на лбу. Мы ничего не скрываем от тех, кто признает, что нашу страну и говорит: я хотел бы посмотреть, как вы тут живете. Но тот, кто так, как так, крадется через наши границы, рискует очень многим. Да к тому же едва ли он увидит с воздуха больше, чем с земли. Разве только земля ему с овинку покажется...

Б. КРЫМОВ

НЬЮ-Йорк, 13 мая. (По телеграфу).

ПИСЬМА ИЗ ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

СЕМИМИЛЬНЫМИ ШАГАМИ...

А. БЕЛЬСКАЯ,
специальный корреспондент
«Литературной газеты»

ПЯТНАДЦАТЬ лет — небольшой исторический срок, и в особенности для такой страны, как Германия. Тем более поразительно, что в последние годы, что сделано за это время народом Германской Демократической Республики. Слово «восстановление» не хочется произносить, даже когда говоришь о возрождении к жизни заводов и фабрик, о вновь отстроенных домах на месте разрушенных войной. Это не восстановление, а рождение нового: прошлое навеки похоронено в руинах гитлеровской имперской канцелярии, погребено в развалинах рейхстага, вывезено на свалку истории. И когда смотришь теплыми глазами работы Вунгитца в парке Трентов — советский воин держит на руках ребенка, — он кажется по-новому символическим. Советские люди отстояли с оружием в руках не только будущее детей, они помогли родиться новой, демократической Германии — первой германской государственности рабочих и крестьян. И эта подлинная Германия, словно сказочное дитя, семимильными шагами движется по пути социализма.

Бурное бегство пудсы жизни — полем, творческое созидание — эта особая атмосфера ощущается каждым приехавшим в Германскую Демократическую Республику. Конечно, еще сохранились следы, оставленные на теле страны войной, развалинами гитлеровцами. Зияют пустые глазницы окон во многих домах на улицах Берлина, Лейпцига и Дрездена. Но в том, что до сих пор не убраны обломки шебна на Вильгельмштрассе, где помещалась гитлеровская имперская канцелярия, не застроены площадки разрушенных зданий фашистских министерств, есть своя логика и справедливость. Зато рядом с фабриками и заводами в Берлине и других городах республики выстроены кварталы новых домов для рабочих. Светлые, удобные, легкие строения ничем не напоминают монументальную, тяжеловесную архитектуру фашистского рейха.

В первую очередь восстановлено то, что имеет художественную и историческую ценность. Поднимается возроденное руками строителей прекрасное барокко дрезденского дворца Цингера. Открыта знаменитая картинная галерея в Дрездене, и там, куда прежде был открыт доступ только «образованным и хорошо одетым людям», перед бесмертными полотнами Мурильо, Дюрера, Рафаэля и Рубенса, спасенными Советской Армией, я видела саксонских крестьянок, рабочих, студентов и студентов. И тут, в Дрездене, и в до-

мах-музеях Гёте в Веймаре, прислушиваясь к оживленной беседе во всегда переполненных залах, радовалась тонкому пониманию искусства, знанию истории тех, для кого все открыто в новой Германии. Пятнадцать лет — небольшой срок. Можно ли забыть, как в этой стране в мрачные годы фашистского господства Геббельс вопил, что, когда он слышит слово «культура», его рука невольно тянется к пуковому крошечку революзера? Ведь социальное фашистским заварками с германским народом, с культурой страны Гёте, Гейнхейма и Шиндлера было куда страшнее, чем в развалинах, оставленных в наследство войной.

Огромны успехи Германской Демократической Республики во всех областях народнохозяйственной жизни. Десятки тысяч социалистических бригад возникли на фабриках и заводах, успешно перевоспитываются семилетний план развития народного хозяйства. Почти полностью и за короткий срок объединились для совместной обработки земли крестьянские хозяйства. Трудно охватить, пересказать увиденное в этой стране. И, несомненно, прав молодой рабочий берлинского завода «Электротроле» Юрген Куни, сказавший мне: «Они там, на Западе, говорят об «экономическом чуде», которое будто бы свершилось в Федеративной республике. Хорошо «чудо», которое куплено на доллары и финансируется нью-йоркскими банками. Нет, подлинное чудо произошло здесь, у нас, к востоку от Эльбы».

Мне хочется рассказать о том, что особенно запало в сердце за короткое время пребывания в ГДР. Культура для народа — это не просто лозунг, не пустые слова, а замечательное завоевание социалистического строительства. В этом можно было убедиться, присутствуя в последние дни апреля на конференции по вопросам культуры в Берлине. В большом зале Дворца культуры завода «Электротроле» собрались в те дни видные писатели, художники, актеры и рядом с ними рабочие, крестьяне, служащие, активно участвующие в создании социалистической немецкой литературы, живописи, театрального искусства. На трибуну конгресса поднялись чтобы подвести итоги года и поделиться планами на будущее, и первый секретарь ЦК СЕПГ Вальтер Ульбрихт, и Альфред Курелла, председатель комиссии по вопросам культуры при Политбюро СЕПГ, маститые писатели, поэты, актеры и творческая молодежь. Выступали крестьянка Эрна Зандер из сельскохозяйственного производствен-

ного кооператива Поппендорф, рабочий горнозудного комбината Висмут. По-деловому, уверенно, по-хозяйски говорили они, задавая вопросы, предлагая свои требования писателям, рассказчикам о работе самодеятельных театральных коллективов, пользующихся большой популярностью, о соревнованиях молодых талантов, о новых книгах, задуманных ими самими. А на столах участников конгресса лежали новые книги: среди них — только что вышедшая в свет антология «Рабочий пишет», где собраны отличные стихи и рассказы людей, продолжающих работать у станков и трудиться на социалистических полах. Движение «Пишущий рабочий», выросшее из движения «Читающий рабочий», стало неотъемлемым элементом литературной жизни республики. Директор института литературы в Лейпциге поэт Макс Циммерман с гордостью рассказывает о том, какое талантливых пополнение приходит в институт с производства.

Новая литература, искусство Германской Демократической Республики, как и весь труд народа, служат делу мира. С гордостью и бодростью выступили на конгрессе культуры о возрождении милитаризма на западе страны, о пропаганде войны, об адензуровской политике растления молодежи. Их тревогу разделяют прогрессивные интеллигенты Западной Германии, чьи представители участвовали в работе конференции. Искусственная граница между ФРГ и ГДР не смогла расколоть духовный язык народа. В Западной Германии раскол

происходит внутри самой страны: на одном полюсе — силы, стремящиеся к миру, на другом — кучка милитаристов.

Борьба за мир, стремление предотвратить войну, преградить путь темным силам, которые совсем рядом за искусственной границей маршируют, вооружаются, сеют тревогу и смуту в Европе, — основа основ политики ГДР. Во имя этого трудятся у станков миллионы людей, трудятся, ни на минуту не забывая, что тут же рядом, в буквально смысле слова «на соседней улице», куется оружие и замысливается новое преступление против человечества.

Я видела борцов передовой линии борьбы за мир на берлинской площади Маркса — Энгельса в день первомайского праздника. Мимо трибун шли несомняемым потоком дети, девушки и юноши, зрелые люди, убежденные седины старини, которые начинали путь борьбы вместе с Эрнстом Тельманом, прошедшие тяжкие годы подполья. На многих из проходивших юнгушурмов защитного цвета — форма боевых дружин, созданных после того, как западногерманские реакционеры попытались спровоцировать фашистский путч в июне 1953 года. Трудящиеся Германской Демократической Республики полны решимости отстоять свои завоевания от любых посягательств. Каждый лозунг на красных знаменах, каждое слово зовет к миру. «Решить германскую проблему в интересах мира», «Способствовать заключению мирного договора с Герма-

нией». «Помешать агрессивным замыслам Адензуров». «Сделать Западный Берлин волевым городом» — призывы плакатов, которые несли рабочие Лейпцига, Кельна, Панкова и других районов Берлина.

На сессии Верховного Совета СССР Никита Сергеевич говорил о странах, которые, оторвавшись от капиталистического тлетения, вышли на социалистическую орбиту. Особенно наглядно ощущается меткость и образность этих слов здесь, в Берлине, городе, где соприкасаются два мира, две различные системы, две различные политики. Именно Западный Берлин, превращенный в рекламную витрину капиталистического «образа жизни», используется боннской пропагандой, чтобы попытаться силой «тлетения» заставить немецкий народ свернуть с социалистической орбиты. Нет такой силы, таких изощренных методов обмана, в которых не прибегали во имя этой цели Адензур и его клика.

В дни перед совещанием в верхах, где надеются миллионы людей, будет принято решение о заключении мирного договора с Германией и тем самым нормализовано положение в Западном Берлине, боннская пропаган-

Главный редактор С. С. СМЕРНОВ.
Редакционная коллегия: В. Н. БОЛХОВИТИНОВ, Ю. В. БОНДАРЕВ, Б. А. ГАЛИН, Г. Д. ГУЛИЯ, Г. М. КОРАБЕЛЬНИКОВ, В. А. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), М. М. КУЗНЕЦОВ (зам. главного редактора), Б. Л. ЛЕОНТЬЕВ, Г. М. МАРКОВ, В. С. МЕДВЕДЕВ, Г. Г. РАДОВ, В. А. СОЛОУХИН, Е. Д. СМРКОВ, А. С. ТЕРТЕРЯН.